

В. Г. ЧЕРНУХА

**ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ
В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ РОССИИ
В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX в.**

Понимание необходимости перемен в политическом строе России, модернизации ее политической системы и введения в стране в той или иной форме общественного представительства было свойственно многим государственным деятелям периода царствования Александра II, в том числе и наиболее близким к императору и влиятельным представителям высшей бюрократии. В этом убеждали и история европейских стран, развивавшихся от абсолютизма к представительному правлению, и Крымская война, обнаружившая несостоятельность самодержавия и всестороннюю отсталость России в сравнении с государствами Западной Европы, и, наконец, такие явления экономической и политической жизни страны, как увеличивающееся значение капитала и подъем общественного движения. Реформа политическая рассматривалась как естественный результат нового этапа развития страны, начатого отменой крепостного права. Однако ревнивое отношение Александра II к неприкосновенности прерогатив самодержца было огромным препятствием для постановки этой проблемы в правительственной среде. Именно потому столь редко правительственные деятели осмеливались выступить с предложениями по введению в русское государственное устройство начал центрального общественного представительства. В 60-х годах это были проект реформы Государственного совета, разработанный министром внутренних дел П. А. Валуевым (1863 г.), и проект политической реформы великого князя Константина Николаевича, составленный для него государственным секретарем С. Н. Урусовым (1866 г.). Первый из них предусматривал создание при Государственном совете «Съезда государственных гласных», состоящего из представителей земских и городских учреждений с правом совещательного участия в обсуждении некоторых рассматриваемых проблем и введение в состав Общего собрания Государственного совета 16 членов «Съезда». Второй — создание при Государственном совете земского и дворянского собраний, которые могли бы представлять свои мнения по вопросам, имею-

щим к ним непосредственное отношение, в случае, если правительство пожелает перед ними эти вопросы поставить. Речь шла, таким образом, об очень незначительном расширении прав общества в выражении перед правительством своего мнения по некоторым общегосударственным вопросам. Несмотря на всю незначительность такого рода мер и полное сохранение в руках самодержца права окончательного решения всех вопросов, оба проекта были отвергнуты Александром II.¹

Более того, на заседании Совета министров 12 января 1867 г. император в такой резкой форме выразил свое недовольство планами великого князя Константина Николаевича и столь категорически отрезал от каких бы то ни было «конституционных стремлений»,² что сторонникам подобного преобразования оставалось только надолго умолкнуть в ожидании изменения «высочайших настроений». Считалось, что до 1879 г. в правительственных кругах и не возбуждался более вопрос о введении в стране представительства, что он возник только в годы второй революционной ситуации и привел к появлению так называемой «конституции» М. Т. Лорис-Меликова.³ В действительности же в начале 70-х годов группа государственных деятелей вновь предприняла попытку убедить императора в необходимости проведения такого рода политической реформы. Инициатором этой попытки был человек, наиболее близко стоявший в то время к Александру II и фактически возглавлявший руководство внутренней политикой страны, — главноуправляющий III отделением с. е. и. в. канцелярии и шеф жандармов граф П. А. Шувалов.

П. А. Шувалов как государственный деятель начал формироваться в середине 50-х годов. Естественно, что его государственное мировоззрение складывалось под влиянием картин глубокого кризиса, вызванного политикой Николая I, наступившего после смерти последнего общественного подъема и оживленного обсуждения всякого рода мероприятий, которые должны были бы вывести страну из кризиса. Шувалов прекрасно понимал необходимость буржуазных реформ, но, происходя из богатого и родовитого поместного дворянства, близкого к трону, и будучи горячим защитником интересов своего класса, стоял за такие преобразования, которые сохранили бы в новых условиях ведущее положение дворянства как сословия. По своим политическим воззрениям он был так называемым «западником», сторонником европейского пути развития России, поклонником английской политической системы (ограниченной конституционной монархии с двухпалатным парламентом), мечтавшим о введении в России представи-

¹ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 125—130.

² Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В двух томах. Т. II, 1865—1876 гг. М., 1961, с. 181 (далее — П. А. Валуев. Дневник).

³ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия..., с. 130.

тельства по типу английского. Все это не мешало ему в нужных случаях клясться в верности принципу самодержавной власти. Один из биографов П. А. Шувалова характеризовал его как «ярого поклонника английских порядков, англomана от головы до пяток»,⁴ Александр III отзывался о нем как о «космополите»⁵ и считал его «западником и конституционалистом»,⁶ а хорошо осведомленный А. С. Суворин определял П. А. Шувалова и его окружение 1866—1874 г. как группу, «черпавшую свои идеалы из европейской истории, преимущественно английской», и стремившуюся к созданию «русского лордства».⁷

Высказывания современников свидетельствуют, что конституционные воззрения Шувалова были очень устойчивы. Еще в 1860 г., накануне отмены крепостного права, когда речь зашла о том, что в результате реформы крестьяне должны получить в надел земли примерно в границах их прежнего пользования, П. А. Шувалов рассматривал такое решение крестьянского вопроса как основание для требования дворянством политических компенсаций. По словам П. П. Семенова-Тян-Шанского, он говорил одному из руководителей разработки крестьянской реформы Н. А. Милютину: «За все это мы в праве *требовать* (курсив автора, — В. Ч.) от правительства компенсации. В чем же может состоять эта компенсация? Во-первых, в том, чтобы местное земское хозяйственное самоуправление было передано исключительно в руки дворянства, как единственного европейски образованного сословия в государстве, а, во-вторых, в том, чтобы Верховная власть поделилась своими высшими административными, особенно же законодательными, функциями с представителями высшего дворянства империи, из которого и должно быть образовано высшее законодательное учреждение».⁸

Конституционные убеждения Шувалова не изменились и во второй половине 60-х и в последующие годы. Е. М. Феоктистов, близко знакомый с приятелем Шувалова гр. П. П. Альбединским, со слов последнего писал: «Шувалова неотступно преследовала мысль о какой-то аристократической конституции для России». Более того, в конце 60-х годов Шувалов «в минуты откровенности» предлагал Альбединскому союз в борьбе за предоставление

⁴ О. Р. фон Фрейман. Пажи за 185 лет. Фридрихсгамн, 1897, с. 401.

⁵ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). М.—Л., 1927, с. 113.

⁶ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. III. СПб., 1912, с. 753.

⁷ Б. В. Анапич, Р. III. Ганелин, Р. А. Фадеев, С. Ю. Вите и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 301.

⁸ Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861 гг.) в воспоминаниях члена-эксперта и заведывающего делами Редакционных комиссий П. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. IV, Пг., 1916, с. 198. В дальнейшем выделение документа не оговариваются.

политических прав дворянству, «конечно, не всему, а высшим его слоям».⁹

Адъютант Константина Николаевича А. А. Киреев в 1874 г. записал в своем дневнике, что, с его точки зрения, шеф жандармов «не прочь подготавливать аристократическую конституцию»,¹⁰ а разговоры П. А. Шувалова с Е. А. Перетцем свидетельствуют о том, что Шувалов не отрёкся от своих конституционных убеждений и на закате своей политической карьеры. 20 марта 1881 г. П. А. Шувалов, одобрявший в общем деятельность М. Т. Лорис-Меликова,¹¹ заявил Е. А. Перетцу о том, что он является сторонником более решительных шагов к представительному правлению, чем предлагаемая Лорис-Меликовым реформа. «По его (П. А. Шувалова, — В. Ч.) мнению, — записал в дневнике Е. А. Перетц, — совещательное собрание не принесет истинной пользы. Нужно прямо приступить к конституционному устройству: учредить две палаты и предоставить им голос решительный. Если же этого сразу сделать нельзя, то нужно, по крайней мере, положить такое основание, из которого впоследствии развилось бы настоящее представительное правление. Ему более нравится поэтому прежний валуевский проект».¹² Когда же после известного манифеста Александра III от 29 апреля 1881 г., где категорически заявлялось о незыблемости самодержавия, Е. А. Перетц заговорил с П. А. Шуваловым о крушении конституционных надежд последнего, тот ответил: «Да, покамест вы правы... а все-таки кончится тем же».¹³ Шувалов в это время был так уверен в неизбежности скорых преобразований конституционного характера, что осенью 1881 г. предлагал некоторым правительственным деятелям держать пари, что «не позже, как через год, в Петербурге будут депутаты, присланные земством, а не назначенные отсюда».¹⁴ Разговор Шувалова с Перетцем о предложениях Лорис-Меликова, как представляется, и может служить ключом к пониманию его действий 70-х годов, а именно его попытки в условиях невозможности немедленного введения двухпалатного парламента сделать шаг к нему, создав начатки центрального представительства.

П. А. Шувалов, человек чрезвычайно властолюбивый, пришел к руководству III отделением в 1866 г., после покушения на Александра II, и вскоре занял ведущее положение среди правительственных деятелей, возглавив, по выражению П. А. Валюева,

⁹ Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, с. 349.

¹⁰ РО ГБЛ, ф. 126, оп. 1, д. 6, л. 79.

¹¹ Дневник Е. А. Перетца, с. 21.

¹² Там же, с. 53.

¹³ Там же, с. 71.

¹⁴ Дневник А. А. Половцова. ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 20, л. 15—15 об.

«консервативный конклав». Получив в Пажеском корпусе лишь поверхностное образование и будучи не подготовленным к руководящей роли в проведении внутренней политики, он не сразу выработал собственную политическую программу: лишь в начале 70-х годов определился круг консервативных мероприятий, которые он намеревался осуществить в разных областях внутренней жизни страны. В числе их — и план проведения политической реформы, имевшей целью создание представительства и расширение политических прав дворянства, обиженного, как он считал, реформой 1861 г. «План ее (т. е. возглавляемой Шуваловым «аристократической партии», — В. Ч.), — писал К. Д. Кавелин в 1875 г., — проступавший сначала только в отдельных чертах, созрел вполне для осуществления, и было уже приступлено к его исполнению. Знаменитая Комиссия для исследования положения сельского хозяйства в России должна была подготовить введение дворянской конституции сверху».¹⁵ Но если его предшественники в деле постановки проблемы представительства — П. А. Валуев и великий князь Константин Николаевич — начинали с составления проектов изменения существующего порядка законодательства, то Шувалов решил действовать иначе, а именно — подготовить почву для такого проекта, создать условия, при которых созыв представителей общества казался бы неизбежным, поскольку поднятые и нуждающиеся в разрешении вопросы самым ближайшим образом касались всего общества. Кроме того, отчетливо представляя себе сложность проведения такой меры, как введение общественного представительства, он не связывал себя точными условиями, надеясь определить их по ходу дела.

Первые практические шаги П. А. Шувалова по подготовке почвы для постановки этой проблемы относятся, как можно предположить, к 1871 г., когда он решил возбудить вопрос о судьбах общинного землевладения и привлечь к его обсуждению земских деятелей. На мысль об этом наводят воспоминания В. П. Мещерского. Последний рассказывает, что посетил Шувалова зимой 1871 г. со специальной целью — выяснить (в связи с намерением основать журнал) ближайшие направления правительственной политики. В подробно передаваемом разговоре Мещерского с Шуваловым есть несколько важных моментов, характеризующих взгляды и планы шефа жандармов. Это, во-первых, как выразился Мещерский, «европейский фатализм» Шувалова, т. е. его убежденность в общности путей развития Европы и России и в необходимости учитывать опыт европейской истории. «Прежде всего, — отмечает Мещерский, — я нашел в нем признаки какого-то политического, но европейского фатализма: мне показалось, что он верует в непреодолимую силу либерального режима для России в области внутренней политики. Он как будто испо-

¹⁵ К. Д. Кавелин. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898, с. 875.

ведовал, что правительство в России обязано ходом вещей идти по известному либеральному пути и что время, т. е. наступающая данная эпоха, получает для правительства силу какого-то непреодолимого закона, коему оно не может не повиноваться». ¹⁶ Во-вторых, прямо спрошенный Мещерским о границах либеральных мер, которые, с его точки зрения, неизбежны, Шувалов ответил, что далеко зайти эти либеральные преобразования не могут, ибо император «по своим сокровенным убеждениям вовсе не расположен к либеральным увлечениям». ¹⁷ В-третьих, отвечая на вопрос о собственных политических воззрениях, Шувалов отрекся от конституционных намерений перед близким к наследнику престола Мещерским, но одновременно в прямой связи с вопросом о конституции заявил о своем убеждении в необходимости ряда политических преобразований. «Я далек от мысли о какой-нибудь конституции, — сказал Шувалов, — но я, например, думаю, что прогресс требует большего расширения местного самоуправления, дворянство должно было бы иметь более значения в губернии как сословие, чем оно имеет, земство могло бы иметь очень важные экономические задачи для разрешения, хотя бы, например, этого варварского вопроса общины». ¹⁸

Итак, ближайшая программа Шувалова: расширение прав дворянства и земства, последнее — в области решения экономических проблем; ближайшая из этих экономических проблем — проблема общины. Относительно последней Шувалов в ответ на предостережение Мещерского, заявившего, что вся крестьянская реформа построена на общине и она определяет многие стороны жизни деревни, сказал, что после реформы прошло 10 лет и «очень пора устроить более европейский порядок землевладения, при котором была бы мыслима сельскохозяйственная культура и рациональное хозяйство», ¹⁹ т. е. собственно признал разрушение общинного землевладения ключом к решению аграрного вопроса.

Приведенное сообщение Мещерского вызывает полное доверие, так как подтверждается поведением Шувалова, начавшего действовать именно в направлении расширения прав дворянства и земства. В той части, которая касается общины, оно подтверждается и собственноручной запиской Шувалова товарищу министра внутренних дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. 3 сентября 1871 г. Шувалов, совершавший вместе с императором поездку по России и находившийся в это время на борту волжского парохода, извещил Лобанова-Ростовского, что в связи с «неоднократно» поступавшими к императору «жалобами о вреде, порождаемом для хозяйства крестьян общинным пользованием и владением землей», и препятствиях к выходу из

¹⁶ В. П. Мещерский. Мои воспоминания. Ч. 2. СПб., 1898, с. 146.

¹⁷ Там же, с. 147.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

общины, поставленных крестьянской реформой, император повелел Министерству внутренних дел собрать данные о положении «этого важного для государственного хозяйства вопроса» и представить эти данные на рассмотрение Совета министров вместе с соображениями Лобанова-Ростовского о целесообразности передачи «на предварительное обсуждение земских учреждений мероприятий, подлежащих обеспечить более легкий переход от общинного к участковому пользованию и владению землею».²⁰

Видимо, Шувалов первоначально планировал созыв представителей земств для обсуждения одного крупного вопроса. У шефа жандармов были серьезные основания рассчитывать на осуществление своей программы, в том числе и политической реформы. К этому времени его влияние и на императора, и на государственное управление было огромно. В Комитете министров за Шуваловым шла значительная группа сторонников: министры внутренних дел А. Е. Тимашев, юстиции граф К. И. Пален, народного просвещения граф Д. А. Толстой, путей сообщения граф А. П. Бобринский. Оценивая позиции Шувалова в Комитете министров, Д. А. Милютин писал в конце 1873 г. (но оценка эта несомненно верна и для 1872 г., поскольку все называемые при этом сторонники Шувалова уже тогда занимали министерские посты): «Он (Шувалов, — В. Ч.) окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, гр. Толстой, гр. Пален, Валуев — послушные орудия гр. Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле. В заговорах ее участвуют Грейг и гр. Бобринский».²¹ Н. Г. Залесов, бывший в начале 70-х годов начальником штаба Оренбургского военного округа, пишет: «Ни один генерал-губернатор, являясь в Петербург, не решался представиться государю, не побывав предварительно у Шувалова и не выслушав его взглядов и наставлений».²²

На решение П. А. Шувалова добиться политической реформы, кроме его личных политических симпатий, должны были повлиять и внешние, и внутренние обстоятельства. Ожесточенная гражданская война во Франции, драматические события Парижской коммуны подводили к выводу о поисках необходимых для России путей предотвращения обострения внутренних противоречий, смягчения обстановки с помощью реформ во имя сохранения монархии и привилегированного положения дворянства. Оснований для тревог о внутреннем спокойствии страны у Шувалова

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1047, л. 1—1 об.

²¹ Дневник Д. А. Милютина. 1873—1875. Т. I. М., 1947, с. 119.

²² Н. Г. Залесов. Записки. — Русская старина, 1905, июнь, с. 539.

было достаточно: приостановленное репрессиями после покушения Д. В. Каракозова революционное движение с конца 1860-х годов вновь начинает нарастать.²³ А. Н. Куломзин прямо связывает предпринятую Шуваловым попытку введения общественного представительства с развитием в стране «революционного брожения» среди молодежи, в первую очередь студенческой. С точки зрения Куломзина, эта попытка была продиктована стремлением «дать разрешение назревшим в стране требованиям в то время, когда революционное брожение успело уже охватить умы молодежи во всех главных центрах».²⁴

Намерение Шувалова было также отражением настроений тех кругов поместного дворянства, бюрократии и интеллигенции, которые были напуганы революционными событиями во Франции, процессом С. Г. Нецаева в собственной стране и искали средств классового умиротворения. Многим из них Англия того времени казалась примером спокойствия и устойчивости, необходимым образцом для подражания. Эта точка зрения была выражена известным русским экономистом академиком В. П. Безобразовым (близко связанным с научными, литературными и правительственными сферами) в серии статей, появившихся первоначально в катковском журнале «Русский вестник».

«Более, чем когда-либо прежде, — писал Безобразов, — входит во всеобщее сознание старая истина, что своевременная реформа есть единственный путь спасения народов от всяких насильственных переворотов. На этом пути впереди всех государств, и всем подавая пример, неустанно работает Англия, хотя сама, несмотря на постоянные беспорядки в Ирландии, наиболее обезопасенная от всякой революционной смуты. Реформа следует за реформой, одна другой радикальнее в этой счастливой стране, несколько политически не изживающей и несколько политически не разрушаемой пролетариатом, вопреки давнишним предсказаниям всех континентальных радикалов ... Всего же замечательнее, что предлагаются и приводятся в исполнение в Англии конституционные преобразования под влиянием политических идей, выросших на континенте Европы и доселе чуждых всем национальным и историческим преданиям Великобритании».²⁵

Уже упоминавшийся Мещерский яркими красками рисует настроение высшего петербургского общества периода его разговора с Шуваловым: «...проекторов тогда в области внутренней политики, — пишет он, — было в Петербурге сколько угодно, начиная

²³ Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, с. 348—349.

²⁴ Воспоминания А. Н. Куломзина «Пережитое». ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 53.

²⁵ В. П. Безобразов. Война и революция. Очерки нашего времени. М., 1873, с. 14—15.

с мечты о всесословной волости и кончая земскою конституциею».²⁶ По словам Мещерского, центром, к которому стекались различные проекты и записки, был дом фельдмаршала князя А. И. Барятинского, с которым был близко знаком Шувалов и с которым они «обменивались в задушевных беседах мечтаниями возложить на земство работу уничтожения общины или создания всесословной волости, причем они мечтали иметь волостного старшину в лице русского лендлорда, а мягкошлянный нигилист мечтал эту должность занять сам для просвещения народа».²⁷

Мещерскому в его характеристике политических настроений петербургского общества начала 70-х годов вторит известный писатель и публицист К. Ф. Головин, служивший в то время во II отделении с. е. и. в. канцелярии, связанный родством и знакомством с высшими придворными и бюрократическими кругами Петербурга. Он пишет о возрождении в начале 70-х годов конституционных вождедений: «Все мы . . . убежденно воображали, что в близком будущем мы очутимся на скамьях правого и левого центра и станем участвовать во всероссийской говорильне».²⁸

Вопрос о конституции или ее суррогатах обсуждался в то время и в интеллигентских слоях петербургского и московского обществ. Из записок Н. А. Чарушина мы знаем, что в декабре 1871 г. на квартире профессора Н. С. Таганцева состоялась встреча представителей либеральной интеллигенции и членов кружка Н. В. Чайковского, обсуждавших конституционную проблему.²⁹ Осенью 1873 г. интеллигенция, группировавшаяся вокруг газеты «Русские ведомости», собралась в Гейдельберге и выдвинула задачу «добиваться конституции».³⁰

План привлечения земства к обсуждению только вопроса о судьбах общинного землевладения вскоре Шуваловым был изменен. Во всяком случае эта проблема осенью 1871 г. в Совете министров не рассматривалась. Зато вскоре возникает проект создания правительственной комиссии, которая должна была всесторонне изучить состояние сельского хозяйства, и в том числе влияние общинного землевладения. Таким образом, вопрос о привлечении представителей общественности к обсуждению лишь одной из проблем внутренней политики ставился на более прочную базу, поскольку поднималось множество задач, теснейшим образом касающихся дворянства и земства.

Для осуществления плана политической реформы шефу жандармов нужен был помощник. По должности им должен был оказаться

²⁶ В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 152.

²⁷ Там же, с. 155.

²⁸ К. Головин. Мои воспоминания. Т. I. 2-е изд. СПб., [б. г.], с. 202.

²⁹ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. Ч. I и II. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. М., 1926, с. 100—103; К. Головин. Мои воспоминания, с. 316—317.

³⁰ Русские ведомости. 1863—1913. М., 1913, с. 14.

министр внутренних дел. Однако именно А. Е. Тимашев совершенно не годился для столь ответственной и деликатной роли. Современники единодушно утверждают, что Тимашев мало интересовался делами министерства и часто являлся в Комитет министров или Государственный совет просто не подготовленным по вносимым им же делам. «В Комитет министров, — пишет А. Н. Куломзин в своих воспоминаниях, — он (Тимашев, — В. Ч.) приезжал большею частью не ознакомленный со своими делами и крайне затруднялся давать основательные объяснения, а когда общие фразы не помогали, очень покладисто брал дело назад».³¹ То же самое говорит о нем и Мещерский.³² Явившийся в начале 1870 г. к Тимашеву в министерство по поручению оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского Н. Г. Залесов на все задаваемые им вопросы слышал: «Не помню, справьтесь в департаменте, не знаю, на чем остановилось дело и т. п.».³³ Государственный секретарь Д. М. Сольский в письме Валуеву 1869 г. о Тимашеве писал: «Кресло Ваше, как водится, занято другим. Но с него не раздастся уже прежняя одушевленная речь, да лучше сказать, и просто ничего не раздастся».³⁴ Понятно, что такой человек, безусловно полезный Шувалову в других случаях, совершенно не годится для осуществления задуманного.

Как нельзя лучше для этой роли подходил предшественник Тимашева П. А. Валуев. Он был умен, ловок, прекрасно ориентировался в обстановке, умел выступать и вести спор. К. К. Грот отметил как характерную черту Валуева то, что он «блестящ... в коллегиальных собраниях».³⁵ Для данного случая это имело немаловажное значение. Кроме того, Валуев, как и шеф жандармов, был сторонником введения в стране представительства. Все это и должно было склонить чашу весов в его пользу. Заручиться таким помощником, как Валуев, для Шувалова было тем более просто, что тот со времени своей отставки из Министерства внутренних дел фактически находился в стороне от государственной деятельности. Состоя лишь членом Государственного совета, он тяготился вынужденным бездельем и стремился к министерскому креслу. А. А. Половцов после посещения Валуева в марте 1870 г. занес в дневник строки, свидетельствующие о разочаровании Валуева, обойденного несколько раз при выборе глав ведомств, и о намерении уехать за границу, поскольку, по его словам, «в Петербурге человеку, не имеющему иных обязанностей, как члена Государственного совета, делать нечего».³⁶

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 193, л. 44.

³² В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 126—128, 153.

³³ Н. Г. Залесов. Записки. — Русская старина, 1903, октябрь, с. 83.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 629, л. 1 об.

³⁵ Воспоминания И. А. Шестакова. ЦГАВМФ СССР, ф. 26, оп. 1, д. 18, л. 231.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 8, л. 28 об.—29.

Валуев огорчился напрасно. Он был слишком нужным для выполнения различного рода «деликатных» государственных дел человеком, чтобы его могли забыть император и его ближайшее окружение. А. И. Герцен предсказывал это еще в 1868 г. «Утешая» Валуева в связи с только что «ампутированным» министерским портфелем, он язвительно писал: «Разве забыл он, слабый и маловерный человек, что его покровитель Петр IV, именуемый Шуваловым, стоит еще у кормила тайной полиции? У него в руках царские страхи, и он может раздобыть ему когда-нибудь если не портфель, то хотя бы бювар».³⁷ В 1871 г. такой момент наступил. Летом этого года Шувалов в Эмсе вел с Валуевым, как это видно из их переписки, переговоры о предоставлении ему министерского портфеля.³⁸ В 1872 г. Валуев был поставлен во главе Министерства государственных имуществ. К этому времени он, конечно, был посвящен в план Шувалова и согласился ему содействовать, видимо, надеясь на осуществление своей заветной мысли о реформе Государственного совета.

То, что назначение Валуева было делом рук Шувалова, не вызывает сомнений. В приведенном уже высказывании Д. А. Милютин говорилась, что все выдвижения на ответственные посты согласовывались с Шуваловым. Куломзин прямо называет Валуева шуваловским «ставленником», а первым мероприятием этого «ставленника» было создание сельскохозяйственной комиссии, которую тот же Куломзин ставит в прямую связь с шуваловским замыслом политической реформы.³⁹ О том, что план организации сельскохозяйственной комиссии был обдуман Шуваловым и Валуевым еще до утверждения Валуева министром, говорят обстоятельства ее учреждения. 16 апреля 1872 г. состоялось назначение Валуева, а 2 мая 1872 г. им был подписан чистовой экземпляр довольно обширного всеподданнейшего доклада,⁴⁰ который уже 3 мая, т. е. если не в первый, то в один из первых докладов по министерству, был подан Валуевым императору. В напряженное время приема дел и официальных представлений, связанных с вступлением в должность, Валуев сумел составить обстоятельный и детально разработанный план.

В докладе Валуев ходатайствовал о создании под его председательством комиссии, которая контролировалась бы Комитетом министров, куда он обязывался представлять ежемесячно отчеты о деятельности комиссии и куда должен был поступить ее итоговый доклад. Таким образом, материалы комиссии должны были рассматриваться в учреждении, где Шувалов вел за собой боль-

³⁷ А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XX. М., 1960, с. 331.

³⁸ П. А. Шувалов — П. А. Валуеву, 19 октября 1871 г. ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 86.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 45.

⁴⁰ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 3588, л. 221—227 об. (Приложение к ст. 248).

шинство. Хотя Валуев исходил из того, что комиссии предстоит исследовать состояние сельскохозяйственного производства, необходимость ее создания мотивировалась только положением крестьян и давлением общественного мнения. «Наша пресса переполнена толками „о бедственном положении народа“. Эти толки возникли в земских собраниях и повторялись систематически перед судом во время нечаевского процесса. Ни один голос, по крайней мере в среде правительственных учреждений, их не опровергает»,⁴¹ — писал он в докладе. Так подводилась база под необходимость дать отчет общественности о положении дела и привлечь ее к обсуждению диктуемых этим положением изменений в политике.

Интересна и еще одна особенность предложения Валуева: он отвергал как практически нецелесообразный метод официальных запросов земских и дворянских собраний по проблемам сельского хозяйства, ибо там «круг рассматриваемых вопросов расширяется по инициативе этих собраний и ... могут возникать по этому поводу не только бесполезные толки, но и разные неосновательные и неуместные предположения и ходатайства»,⁴² а потому просил о предоставлении проектируемой комиссии права вызывать на свои заседания как официальных, так и частных лиц для получения от них нужных сведений. При этом он ссылаясь на положительный опыт именно так поступающих английских «королевских комиссий», т. е. английских парламентских комиссий. Неизвестно, обратил ли император внимание на это заимствование из английской парламентской практики, но коллеги Валуева по Комитету министров, куда по распоряжению императора был передан на обсуждение доклад, сразу задали ему вопрос: что он имеет в виду, сравнивая создаваемую комиссию с парламентскими. Ответ Валуева был, как это отразил журнал заседания, чрезвычайно уклончивым. Он заявил, что комиссия будет иметь целью «не столько собирание мнений, сколько собирание точных и определенных сведений по предметам, подлежащим исследованию посредством спроса лиц, практически знакомых с делом, что занятия сей комиссии будут исключительно направлены к исполнению предначертаний вашего императорского величества» и т. п.⁴³

Комитет министров удовлетворился этим объяснением и одобрил создание сельскохозяйственной комиссии на предложенных Валуевым основаниях.⁴⁴

Находившийся в это время в Карлсбаде шеф жандармов, еще не зная результатов обсуждения дела, подбадривал своего союзника в письме от 13 мая 1872 г.: «Я хочу верить, что Ваши

⁴¹ Там же, л. 222.

⁴² Там же, л. 224 об.—225.

⁴³ Там же, д. 3587, л. 204—204 об.

⁴⁴ Там же, л. 205 об.—206.

предложения будут хорошо приняты и Комитетом министров, и особенно общественным мнением, уже давно ждущим просвещенной мысли Вашего министерства, которое вскормит это мнение мерами национальными и для европейских желудков особенно непереваримыми».⁴⁵

Комиссия Валуева была создана из представителей министерств Внутренних дел, Финансов, Государственных имуществ и Удельного ведомства (всего 11 человек вместе с председателем) при Министерстве государственных имуществ; вся подготовительная работа была сосредоточена в Департаменте земледелия и сельской промышленности, около 40 чиновников этого министерства занималось сбором материалов и их обработкой.⁴⁶

Первый этап истории Комиссии Валуева — получение материалов для обсуждения. Он продолжался с мая по ноябрь 1872 г. За это время Департаментом земледелия был накоплен богатый, хотя и отрывочный материал. Сбор его производился трояким способом: часть сведений была получена с мест от губернаторов и председателей сельскохозяйственных обществ, к которым Валуев обратился с циркуляром; другая часть была получена командированными в разные губернии чиновниками Министерства государственных имуществ и, наконец, третья часть была извлечена из дел министерств. Уже краткая программа, по которой в этот период представлялись сведения, состояла из 10 пунктов, охватывающих многие важнейшие стороны аграрного вопроса и равным образом касающихся крестьянского и помещичьего хозяйств. Запрашивались данные о характере применяемого для обработки помещичьей земли труда (вольнонаемный, изпольщина, издольщина и т. п.), ценах на вольнонаемный труд, ценах на землю (покупные и арендные, в том числе долгосрочная и краткосрочная аренда), величине обложения земель, урожайности, ценах на хлеб, состоянии скотоводства, подсобных промыслов, а также о влиянии общинного землевладения на положение сельского хозяйства.⁴⁷

К ноябрю 1872 г. такого рода сведения, правда очень неполные, были собраны. Впрочем, Валуев и не стремился к исчерпывающей полноте. Об этом свидетельствует спешка в работе, бросающаяся в глаза каждому, кто обращался к ее истории. Автор статьи о Комиссии Валуева отмечал, что работа велась «с непонятною поспешностью и неизбежною при таком условии канцелярскою небрежностью».⁴⁸ Причины этого становятся понятными при выяснении закулисной стороны истории Комиссии.

⁴⁵ Там же, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 88.

⁴⁶ Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873, с. 1—2, 43—44 (далее — Доклад...).

⁴⁷ Там же, с. 53а.

⁴⁸ Я. Ст.-к. Валуевская комиссия. — Русская мысль, 1891, № 4, с. 28.

Цель Валуева заключалась не в детальном выяснении подлинной картины и составлении окончательных рекомендаций, а лишь в определении круга проблем, которые требуют своей дальнейшей разработки и обсуждения их правительством и представителями общества. А. Н. Куломзин пишет, что «в частных беседах как с опрашиваемыми в Комиссии лицами, так и вообще в общественных кругах Валуев не скрывал своей твердой уверенности, что поднятые вопросы будут разработаны в высшей под его начальством коллегии из представителей местных общественных учреждений».⁴⁹

Хотя Валуев на заседании Комитета министров уверял, что целью Комиссии будет сбор не столько мнений, сколько точных сведений, в действительности же Комиссия шла именно по пути сбора мнений. Этим⁵⁰ и объясняется, по-видимому, тот факт, что за получением однотипных данных Комиссия обращалась к разным источникам. Валуеву важно было сослаться на возможно более широкий круг опрошенных лиц, подтвердить заключения Комиссии мнениями самых различных деятелей. В заключительном докладе Комиссии поэтому было скрупулезно подсчитано по категориям число лиц, приславших в Комиссию свои ответы. Круг лиц, доставивших сведения в Комиссию, был достаточно широк уже на первом этапе — до открытия заседаний. Материалы были получены от губернаторов, членов губернских по крестьянским делам присутствий, мировых посредников, предводителей дворянства, деятелей земских учреждений, помещиков, арендаторов и управляющих имениями, чиповников казенных палат, полицейских чинов, священников, выборных лиц крестьянского самоуправления, крестьян. Особенным вниманием пользовались помещики. Из общего количества лиц, представивших в Комиссию материалы, в этот период почти 1/3 часть (283 из 958) составляли помещики. Крестьян же было только 17 человек.⁵⁰ Собранные сведения в Министерстве государственных имуществ проходили несложную обработку: они группировались по темам, а внутри тем — по губерниям и сразу же направлялись в типографию. Сообщения одного какого-либо лица по одному из уездов большой губернии считалось достаточным для того, чтобы дальнейшие изыскания не проводить.⁵¹

В ноябре 1872 г. полученный материал был признан достаточным для того, чтобы Комиссия смогла обратиться к его рассмотрению. Заседания Комиссии начались 21 ноября 1872 г., работа велась очень напряженно, еженедельно члены Комиссии собирались по 2—3 раза.⁵² Целью заседаний было изучение со-

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 46.

⁵⁰ Доклад ..., с. 1—2.

⁵¹ См., например, Доклад ..., Приложение 1, отдел 1, с. 9, 191, 212.

⁵² Доклад ... Журналы заседаний, с. 1—42.

бранных данных, получение дополнительных сведений от специально вызванных на заседания лиц, рассмотрение записок членов Комиссии по отдельным вопросам, составление заключительного доклада. На заседаниях была разработана окончательная форма анкеты для опроса вызываемых лиц. Она содержала очень внушительное число вопросов — 269! Ответы были застенографированы и затем изданы отдельным сводом.⁵³ Анкета охватывала все стороны аграрного вопроса. Наряду с общими экономическими проблемами: земельной, налоговой, рабочих рук, общинного землевладения и т. п., она включала и множество частных агротехнических проблем. На заседаниях Комиссии выступили как находящиеся на государственной службе, так и частные лица (всего 181 человек). Их состав был примерно тем же, что и на подготовительном этапе: помещики составляли почти 2/3 от общего числа опрошенных (их было 111 человек), зато крестьяне были представлены только одним человеком, далее по убывающей шли предводители дворянства (25 человек), председатели земских управ (11 человек) и губернаторы (11 человек).⁵⁴ Поскольку эти последние категории несомненно в подавляющем большинстве состояли из помещиков, доля их «мнений» по аграрному вопросу возрастает.

При более чем «благонамеренном» составе опрошенных итог, к которому была вынуждена прийти Комиссия Валуева, был неутешительным. В заключительном докладе вывод о неудовлетворительном состоянии сельского хозяйства (в самом широком смысле) был расцвечен рассуждениями о переходном характере переживаемого момента, «благодетельности» реформы и т. п.,⁵⁵ а потому звучал не так резко. На заседании же Комиссии при обсуждении проекта доклада он был сформулирован сжато и категорично: «положение хозяйства и производительности весьма неудовлетворительно».⁵⁶ На одном из заседаний Комиссии специально рассматривался вопрос об общине, поскольку, как заявил Валуев, членам Комиссии необходимо высказаться по этому поводу. Однако он поставил на рассмотрение только два важных аспекта обширной темы: следует ли облегчить выход из общины отдельным лицам и нужно ли принять меры по ограничению переделов.⁵⁷ Это была очень осторожная постановка вопроса о судьбах общинного землевладения, однако вывод о необходимости отказа от него напрашивался сам собою, поскольку в журнале заседаний подчеркивалось: «общинное землевладение ... по единоголосному почти отзыву всех выслушанных в Комиссии лиц и собранных ею письменных заявлений составляет одно из главных

⁵³ Доклад ..., Приложение VI.

⁵⁴ Доклад ..., с. 2—3.

⁵⁵ Там же, с. 4—8, 40—41.

⁵⁶ Доклад ..., Журналы заседаний, с. 22.

⁵⁷ Там же, с. 29.

принятствий успешному развитию хозяйства в среде крестьянского населения».⁵⁸

Последнее заседание Комиссии состоялось 28 апреля 1873 г., и тотчас же заключительный доклад ее вместе с журналами заседаний и всеми собранными материалами был направлен в Комитет министров. Заседание Комитета министров по представлению Валуева состоялось 9 мая 1873 г.⁵⁹ К этому времени Валуев уже поднес императору отпечатанный и особо переплетенный экземпляр трудов Комиссии.⁶⁰ Оперативность работы Валуева была поистине удивительна. Материалы передавались в печать буквально с непросохшими еще чернилами. Во второй половине мая 1873 г. типография сдала уже заказчику весь тираж. (22 мая 1873 г. датировано письмо Статистического отдела Департамента земледелия, препровождавшее в Департамент общих дел Министерства государственных имуществ счета типографии за выполненную работу).⁶¹

Представление Валуева в Комитет министров, помеченное 4 мая 1873 г.,⁶² по сути дела сводилось к двум предложениям: во-первых, к отсрочке рассмотрения Комитетом заключений Комиссии и, во-вторых, к довольно широкому распространению трудов Комиссии. Валуев считал нужным разослать их высшим правительственным лицам, участникам заседаний Комиссии, а также редакциям «главных» газет и журналов. И отсрочка, и рассылка материалов мотивировались необходимостью сбора дополнительных данных. Предложения Валуева были приняты Комитетом министров; круг лиц, получающих по его решению возможность ознакомиться с материалами Комиссии, еще более расширился: часть тиража поступала в свободную продажу.⁶³ Журнал Комитета министров не называет автора этой идеи, однако из рассказа Шувалова Маркевичу, который будет приведен ниже, становится ясно, что инициатива должна была исходить от шефа жандармов. На основании этого решения материалы Валуевской комиссии были распространены и получили большую известность.

Труды Комиссии (пять обширных томов) включали заключительный доклад Комиссии, журналы ее заседаний и изданные в виде семи приложений собранные ею материалы, сведенные в три большие группы. Первую группу составляли данные о состоянии сельского хозяйства, вторую — мнения о недостатках его, третью — мнения о необходимых для их исправления мерах,

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Журнал заседаний. См.: ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 3650, л. 155—167 об. (ст. 304).

⁶⁰ Там же, л. 165—165 об.

⁶¹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 36, д. 12571, л. 19—19 об.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 3651, л. 172—172 об.

⁶³ Там же, д. 3650, л. 167—167 об.

причем каждый отмеченный недостаток и предлагаемая мера сопровождалась указанием автора.⁶⁴

Не только метод работы Комиссии (обращение правительственных деятелей за сведениями и мнениями к представителям общества), но и документы ее должны были оживить в публике конституционные надежды. Материалы Комиссии П. А. Валуева были изданы в виде документов английского парламента, так называемых «синих книг» (blue books). Форматом, цветом, манерой оформления тома материалов Комиссии настолько походили на «синие книги», что, будучи поставлены рядом, совершенно от них не отличались.⁶⁵ В кругу правительственных деятелей негласно их так и называли — «blue books».

Официальная мотивировка отсрочки рассмотрения выводов Комиссии не выдерживает критики: никто и не пытался пополнить материал. Испрошенная отсрочка была нужна Валуеву и Шувалову для придания делу огласки и получения, в частности и по этому мотиву, разрешения императора на привлечение общественных групп к дальнейшему обсуждению дела.

Лето 1873 г. и было использовано П. А. Валуевым и П. А. Шуваловым для распространения документов Комиссии и привлечения к ним общественного внимания. Большая надежда возлагалась ими в этом смысле на М. Н. Каткова, от которого ждали поддержки идеи общественного представительства. Еще до завершения публикации материалов Комиссии П. А. Шувалов разговаривал о них с петербургским информатором М. Н. Каткова Б. М. Маркевичем, посредником в сношениях шефа жандармов с издателем «Московских ведомостей», которые глава III отделения рассчитывал сделать своим рупором. П. А. Шувалов весьма откровенно изложил Б. М. Маркевичу (для передачи М. Н. Каткову) истинную подоплеку создания комиссии, свои взгляды и намерения, будучи совершенно уверен в осуществимости последних.

11 мая 1873 г. Б. М. Маркевич сообщал М. Н. Каткову: «Указывая мне на гору фолиантов, брошюрованных бумаг, которые лежали у него на столе, Ш[увалов] сказал мне: „Вот документы чрезвычайной важности, но не хлопчите добыть их, так как Валуев просил нас в Комитете министров дозволить ему сообщить экземпляры этих трудов главнейшим нашим редакциям; это результаты Комиссии, которую он, со свойственной ему пышностью фразы, продолжает называть *enquête parlementaire*. На эту рассылку мы все охотно согласились, а я лично побуждал его к этому, так как этим трудам придаю чрезвычайную важ-

⁶⁴ Доклад ..., Приложения II и III.

⁶⁵ Именно поэтому К. Маркс именовал материалы Валуевской комиссии непонятным на первый взгляд названием — «синие книги». См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. XII. М., 1952, с. 19.

ность. Они с полной объективностью представляют настоящее экономическое и нравственное положение России таким, как его сделало 19 февраля. Из этого нельзя не убедиться, что, преклоняясь пред тем благом, которое внесено этою реформою, рядом с ним возникли и такие уродливые явления, такое зло, которое требует радикального лечения. Мы в нашем настоящем составе правительства не способны быть врачами его; нужны другие, более свежие силы. Поэтому, сообщая Вам это доверительно, в принципе решено, что вопросы, исходящие из этих исследований Валуевской комиссии, послужат мотивами, не позднее будущей государственной сессии (имеется в виду начало заседаний Государственного совета после летних вакансий, — В. Т.), к ряду прений в законодательном порядке, с участием в них членов от земства, которые призваны будут сюда по выбору самих земств, а не как эксперты, назначенные самими нами“. — „Но это начало конституции?“ — сказал я ему на это. Он улыбнулся. „Ясно, — отвечал он, — что для России это последнее самодержавное правление. Император умрет самодержцем, если он этого хочет, по нельзя допустить, чтобы его обогнала сила вещей, а она такова, что вынуждает нас прибегнуть к живым силам страны“. — „Но думаете ли Вы, — сказал я, — что земства Вам дадут благонадежные, консервативные силы? Кем, какой литературой, какими примерами и поучениями воспитались у нас эти земские люди, и сидят ли у нас в земствах лучшие и просвещеннейшие люди?“ — „Это нужно насаждать! — отвечал Ш[увалов] — и, по некотором молчании, промолвил, — Вы мне окажете услугу, сообщив об этом М[ихаилу] Н[икифоровичу]; его мнения высоко ценит Государь, не говоря уже обо мне; время терпит, он поразмыслит на досуге о том, что я Вам только что сказал, и его мнение будет нам ценно“». ⁶⁶

Передав этот разговор, Б. М. Маркевич добавлял от себя свои впечатления: «В течение моих бесед с Ш[уваловым] по этому и другим предметам, я мог заметить не раз, что он сильно желает доказать, что так называемая консервативная партия есть в действительности партия либеральная и в этой мысли призвания земства к участию в государственном законодательстве важное место занимает желание заявить себя либеральным. Это приносит ему много чести лично, но в какой мере можно будет осуществить эту мысль для большего блага страны — вот в чем вопрос».⁶⁷

Валуев, со своей стороны, 9 мая 1873 г. извещал М. Н. Каткова, считая, что тепшит его англоманство: «На днях надеюсь Вам послать доклад Комиссии по делам сельского хозяйства. Это первый blue book в России».⁶⁸ Добиваясь поддержки М. Н. Кат-

⁶⁶ РО ГБЛ, ф. 120, папка 27, д. 3, л. 45—48.

⁶⁷ Там же, л. 48.

⁶⁸ Русская старина, 1916, июнь, с. 361.

кова, министр государственных имуществ в своем письме от 21 июня 1873 г. издателю «Московских ведомостей» прибегал к откровенной лести: «Вы одни умеете быть настоящей политической прессой, — писал он, — в уровень моему идеалу „Times“ и более чем в уровень лучшим немецким газетам».⁶⁹

Катков получил материалы Комиссии Валуева, и в «Московских ведомостях» появились благожелательные по отношению к деятельности Комиссии, хотя и посвященные частным вопросам статьи.⁷⁰

Отклики на материалы и выводы Комиссии появились и в других газетах, и в журналах.

Между тем приближалось обсуждение выводов Комиссии П. А. Валуева, что должно было явиться поводом для возбуждения вопроса о привлечении представителей общества к участию в разработке аграрного законодательства. Выдвижение на обсуждение членов Комитета министров идеи создания в стране той или иной формы общественного представительства требовало разрешения императора. Получением такового и занялся П. А. Шувалов осенью 1873 г. В начале октября в Ливадии, где находился в это время Александр II, он имел с императором беседу, во время которой, сумев, по-видимому, доказать всю безобидность и даже полезность для самодержавия некоторых незначительных начатков представительства, он получил согласие на обсуждение этой проблемы в рамках оговоренных им условий. Об этом он пишет П. А. Валуеву 8 октября 1873 г. «Я смирился, дорогой Петр Александрович, с невзгодами моего путешествия, так как полагаю, что достиг важной цели. Я имел случай завладеть вниманием императора на время, необходимое для развития дела, которое нас занимает, и его величество не только согласился, по, кажется, с симпатией отнесся ко всем пунктам, выработанным в нашей последней беседе, а именно:

1) Необходимость серьезного изучения дела в Комитете министров.

2) Полезность заседания под его председательством.

3) Создание комиссий с включением в них выборного земского элемента, комиссий под председательством лиц, пользующихся доверием императора.

4) Изменения, которые следует произвести в структуре Вашего министерства и в составе, предложенные Вами.

Более того, император одобрил мое условие — оставить дело *в наших руках*, при участии канцелярий высших государственных учреждений.

Итак, мы будем иметь успех, если Вы, с Вашей стороны, поддержите перед императором идеи, выраженные мною, ибо он

⁶⁹ Там же, с. 362.

⁷⁰ Московские ведомости, 5 и 25 июня 1873, № 139, 159.

будет говорить с Вами об этом. Позвольте мне, стало быть, рассчитывать на Вашу полную поддержку, и я очень надеюсь, что проблема, которой Вы посвятили столько тягостных часов, будет разрешена практически и что мы в то же время спасем земство от смерти, на которую его ежедневно обрекает министерство бездарных опекунов, обезобразивших его, но земство остается тем не менее Вашим детищем. Спасите же его вместе со мною, так как оно собирается испустить свой последний вздох. Я говорил со многими губернаторами — все они, те, что не являются идиотами, уверяли меня, что если случай представится, представитель от их губернии будет консервативный и умный».⁷¹

Здесь уместно подчеркнуть, что в это время П. А. Шувалов еще умалчивает о намерении привлечь к обсуждению проблем внутренней политики, помимо земства, представителей дворянства как сословия. А для этого, не в последнюю очередь, им и были предприняты шаги к осуществлению политической реформы. По-видимому, это объясняется тем, что в глазах императора представительство дворянства, класса привилегированного и отчетливо обнаружившего свои политические поползновения, было более опасно для его абсолютной власти, чем всесословного земства, с которым можно было считаться гораздо менее.

Как свидетельствует это письмо, шеф жандармов принял согласие императора на обсуждение этой проблемы за готовность его принять некоторые формы общественного представительства, а потому и был полон надежд на проведение в жизнь своей идеи. Держа в тайне от многих своих коллег разговор с императором, он поспешил известить о нем М. Н. Каткова, на поддержку которого, как уже говорилось, рассчитывал. 10 ноября 1873 г. Б. М. Маркевич извещал издателя «Московских ведомостей»: «Ш[увало]в, по-видимому, в настоящую минуту весь предан одной мысли: созыву лиц от земства для обсуждения вопросов *государственной важности*, имеющих возникнуть по предметам, входящим в состав трудов Валуевской комиссии (я Вам еще в прошлом сезоне писал об этом предположении его). В настоящее время он уже получил в принципе одобрение государем этой мысли, — о чем, — говорил он, — многие из товарищей его еще не знают. На днях Комитет министров начнет, как говорил он, суждения „не по существу, а относительно дальнейшего хода, который следует дать возникающим из этого труда вопросам“. Он находит, что об этом до времени говорить в печати не следует, — „но когда дело начнет принимать форму, Ваша газета первой этим воспользуется“».⁷²

Обсуждение доклада Валуевской комиссии в Комитете министров началось 20 ноября 1873 г. и продолжалось до конца

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 90—91 об.

⁷² РО ГБЛ, ф. 120, папка 27, д. 3, л. 91.

февраля 1874 г. На каждом из еженедельных заседаний Комитета часть времени отводилась этому вопросу. Суть заключений Валуевской комиссии сводилась к следующему: положение сельского хозяйства требует широкого государственного вмешательства, при этом необходим ряд законодательных мер и совместные действия всех причастных к этому министерств и ведомств. Неизбежные при этом затраты окупятся в дальнейшем.⁷³ Однако каких-либо точных рекомендаций, четко отграничивающих главное от второстепенного, указаний на центральные вопросы, которые должны быть решены в первую очередь, Комиссия не давала. Осторожный Валуев последовательно перечислял множество необходимых мер, и вопрос о «несоразмерности» выкупных платежей соседствовал с пунктом о «воспособлении» сыроваренню.⁷⁴

Выводы Комиссии были облечены в очень обтекаемую форму. Так, например, о выкупных платежах в докладе Комиссии говорилось: «Не предвещая вопроса о мерах к предотвращению вредных последствий, приистекающих от несоразмерности выкупных платежей, вопроса весьма важного и для правительства, терпящего от накопления недоимок немаловажный ущерб, Комиссия считает своею обязанностью указать на это прискорбное явление, подтвержденное ей многими из лиц, выслушанных ею и подкрепляемое собранными податной комиссиею данными».⁷⁵ Такую форму осторожной «желательности» носили все выводы Комиссии. Валуев предлагал на рассмотрение обширную программу, перечисление лишь наиболее крупных пунктов которой заняло бы несколько страниц, однако не брался точно определить самые ближайшие направления правительственной политики в этом отношении. Теперь от Комитета министров зависело дальнейшее направление дела: одинаково возможны были постановка вопроса о скорейшем осуществлении ряда важных преобразований и «принятие к сведению» полученных данных или вынесение решений по маловажным вопросам. Надлежало также определить порядок дальнейшего обсуждения аграрных проблем.

С предложением привлечь общественных представителей к обсуждению в центральном представительном учреждении проблем внутренней политики Шувалов впервые выступил на заседании Комитета министров 27 ноября 1873 г., т. е. сразу же после начала обсуждения там проблем сельского хозяйства. Об этом выступлении Шувалова и об этом заседании Комитета министров подробно рассказывается в воспоминаниях А. Н. Куломзина, служившего в то время в канцелярии Комитета министров; ему-то и было поручено составление журнала Коми-

⁷³ Доклад . . . , с. 42.

⁷⁴ Там же, с. 44, 48.

⁷⁵ Там же, с. 48.

тата по рассмотрению доклада Валуевской комиссии.⁷⁶ В главе его воспоминаний «Пережитое», которая посвящена его службе в канцелярии Комитета, есть раздел, озаглавленный «Новая попытка привлечения общественных слоев к политической жизни. Секретный журнал Комитета министров».⁷⁷ Этот раздел почти целиком (7½ стр. из 10) посвящен заседанию 27 ноября и в значительной степени непосредственно выступлению Шувалова. Куломзин сообщает, что, несмотря на запрещение составлять какие-либо документы, связанные с обсуждением предложения Шувалова, он бегло записал происходившие прения, а затем, по окончании заседания, буквально по горячим следам, привел запись в порядок.⁷⁸ Сохранение именно этой частью мемуаров стиля подробной протокольной записи, отличного от мемуарного стиля вообще и стиля других частей воспоминаний Куломзина, заставляет думать, что в момент составления воспоминаний перед автором лежал сам протокол, который и был введен в текст без изменений. Куломзин лишь добавил небольшое предисловие и заключение: первое поясняло предысторию выступления Шувалова, а последнее излагало точку зрения Куломзина на причину провала шуваловской идеи.

Выступивший на заседании Шувалов заявил, что Комитету министров предстоит вынести решение о порядке дальнейшего рассмотрения выводов Валуевской комиссии. В этой связи он и предложил свой вариант такового. Ни словом не упомянув о существеннейшей части своего замысла — привлечении к обсуждению этих вопросов представителей дворянства, он высказался за созыв представителей земства. При этом им неоднократно подчеркивалась «политическая» необходимость и целесообразность такой меры. Свои предложения он подробно обосновал и аргументировал. Исходной точкой рассуждений шефа жандармов являлось признание того факта, что Россия из-за тяжелого положения сельского хозяйства стоит перед назревшей проблемой осуществления важных преобразований, которые должны быть тщательно взвешены и продуманы. Итогом работы Комиссии Валуева было, с его точки зрения, выяснение «болезненного состояния страны», наличия разного рода «недугов», которые стали вследствие широкого распространения Трудов Комиссии и допущенной относительно ее работы гласности хорошо известны обществу, что обязывает правительство к скорейшему принятию мер по «уврачеванию» этих «недугов». Эти же обстоятельства диктуют необходимость участия представителей общества в обсуждении той части поднятых сельскохозяйственной комиссией

---

⁷⁶ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. III, ч. 1. СПб., 1902, с. 93.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 45—54.

⁷⁸ Там же, л. 47.

проблем, которые не могут быть решены в области чисто административной.

Что касается того, кого следует привлечь к обсуждению чисто «хозяйственных», но требующих законодательного решения вопросов, то здесь Шувалов прямо указал на земские учреждения. «Громадный механизм, созданный в виде земских учреждений, остающийся без умственной пищи, вселяет опасения политического свойства, — заявил он. — Правительство, создав известные хозяйственные учреждения, призвав их к управлению хозяйственными интересами страны, имеет нравственную обязанность обращаться к этим учреждениям за сведениями по хозяйственным вопросам, в центральном правительстве возбуждаемым».⁷⁹ Он отрицательно отозвался о существовавшей практике передачи некоторых хозяйственных проблем на обсуждение земских учреждений на местах, что якобы давало лишь множество противоречивых и разнохарактерных суждений, и предложил иной принцип привлечения земцев к совещательной, причем на этот раз законосовещательной деятельности: вызов их представителей в законосовещательную коллегию.

По-видимому, Шувалов не имел точно очерченного плана относительно принципов и организационной стороны деятельности такой коллегии, причем не только плана, письменно зафиксированного, но даже и занесенных на бумагу черновых набросков. Никто из пишущих об обсуждении дела и в Комитете министров, и в частных беседах ни о каких подобных документах не упоминает. Такое «пренебрежение» Шувалова к точному плану совершенно понятно: в этом сложном деле, которое неизбежно должно было натолкнуться на принципиальные возражения, нецелесообразно было вести обсуждение вокруг точно сформулированных пунктов, гораздо разумнее было поставить вопрос в принципе, а затем выяснить и утвердить ту общую платформу, на которой было бы возможно соглашение большинства министров. Поэтому и на этом заседании, когда всего лишь выяснялись взгляды членов Комитета, и в дальнейшем Шувалов формулирует свои предложения в самой общей форме.

На этом заседании он высказал мысль о передаче обсуждения поднятых Валуевской комиссией вопросов в одну или две «комиссии»⁸⁰ с привлечением как представителей тех ведомств, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам, так и «выборных от земских учреждений экспертов». Комиссии эти под председательством «особо доверенного лица» должны заняться обсуждением уже подготовленного в соответ-

⁷⁹ Там же, л. 47—48.

⁸⁰ Слово «комиссия» в тексте всюду зачеркнуто Куломзиным и вместо него вставлено слово «совещание», но правильнее, по-видимому, употреблять термин «комиссия», так как другие источники говорят именно о «комиссиях».

ствующих ведомствах проекта. Шувалов точно не оговаривал ни числа, ни состава этих выборных от земства, он лишь подчеркнул, что, в случае принятия его предложения в принципе, следует с «надлежащей постепенностью и осторожностью» решить это. «Ввиду сего от всестороннего в центральной комиссии обсуждения, — заявил Шувалов, — зависеть будет правильное направление настоящего дела в отношении как к числу вопросов, подлежащих передаче на разрешение упомянутых смешанных совещаний, так и к постепенности их рассмотрения и вызова к тому от подлежащих местных учреждений выборных экспертов».⁸¹

Итак, шеф жандармов рекомендовал привлечь представителей земства к законосовещательной деятельности по разработке широкого круга проблем, связанных с сельским хозяйством и поставленных Комиссией Валуева. Уточнение организационных сторон работы таких коллегий должно было стать делом дальнейшего обсуждения. Только при условии совместной работы правительства и общества и можно «рассчитывать на основательное, всестороннее обсуждение проектируемых законодательных мер и на совершенную их целесообразность» — такова была основная мысль шефа жандармов, подкрепленная им ссылками на опыт разработки крестьянской реформы, к чему было привлечено дворянство.⁸² При этом он выдавал выдвигаемое им предложение за мысль, разделяемую и императором, па что, как говорилось выше, он имел некоторое, хотя и весьма непрочное основание. Куломзин пишет, что, отвечая членам Комитета министров, удивленным употребляемым Шуваловым местоимением «мы», кого он подразумевает, Шувалов назвал императора и себя.⁸³

Запись Куломзина показывает, что Шувалова поддержал Валуев, который также заявил о «неудобствах», создаваемых передачей дел на обсуждение земствам на места, и полностью согласился с шефом жандармов относительно важности, как он выразился, «политического значения и моральной санкции, которую придало бы законодательным мерам, предлагаемым бывшему под его председательством Комиссией, предварительное их рассмотрение с участием выборных от земства экспертов».⁸⁴ Однако Валуев тут же подчеркнул несколько моментов ограничительного характера, которые, впрочем, звучали и у Шувалова. Он заявил, что ряд вопросов (какие именно, он не указал) должен быть безусловно изъят из ведения этих комиссий и составлять исключительную компетенцию правительственных учреждений. Кроме того, само обсуждение тех проблем, которые будут переданы на обсуждение представителей земства, должно быть поставлено

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 49.

⁸² Там же, л. 49—50.

⁸³ Там же, л. 53.

⁸⁴ Там же, л. 50.

в какие-то жесткие рамки, ибо в противном случае возможны последствия, «опасные в политическом отношении».⁸⁵ Иными словами, Валуев опасался, что критика и требования земцев пойдут гораздо далее, чем то может допустить правительство. С его точки зрения, такими рамками должны стать составленные правительственными учреждениями проекты, которые и будут переданы на рассмотрение выборов.⁸⁶ Таким образом, права и возможности комиссий сразу же предполагалось сильно ограничить.

Тем не менее и эта скромная идея шефа жандармов и его, как выразался военный министр Д. А. Милютин, «подручника» Валуева сразу же натолкнулась на отпор некоторых членов Комитета министров. Куломзин, кроме выступлений Шувалова и Валуева, в своей записи отразил позицию еще только трех членов Комитета: председателя Комитета П. Н. Игнатьева, министра финансов М. Х. Рейтерна и военного министра Д. А. Милютина. И все они, особенно Игнатьев, по разным причинам высказались против этого. Хотя в предложении Шувалова весьма мало «конституционного», а самое слово «конституция» вообще не появилось, все подобные проекты, хоть в малейшей степени расширявшие участие в делах государственного управления представителей общества, считались посягательством на исключительные прерогативы самодержавия, первой третиной в здании самодержавной власти, которая неизбежно приведет к конституции.

Игнатьев чрезвычайно испугался этого сравнительно безобидного предложения скорее всего потому, что, зная неблагоприятное отношение императора к подобного рода проектам, не очень поверил заявлению шефа жандармов о полученном согласии императора и опасался, что «высочайший гнев» в случае, если члены Комитета министров обнаружат свои «конституционные» склонности, обрушится в первую очередь на него как председателя Комитета. Поэтому позиция Игнатьева все время была позицией последовательного отрицания мысли о представительстве. На этом заседании он сразу же заявил, что это предложение является «нецелесообразным и опасным». Аргументация его, согласно Куломзину, сводилась к следующему. Во-первых, вызов группы земцев в столицу оторвет их от занятий и плохо скажется на выполнении ими непосредственных обязанностей на местах. Во-вторых, эта мера вызовет недовольство того большинства земских деятелей, которое окажется в стороне. В-третьих, сомнительно, что выборов удастся удержать при обсуждении дел в намеченных рамках, а «нарушение поставленных границ со стороны сказанных земских представителей может привести к опасным последствиям». В-четвертых, эта мера противоречит самому характеру земских учреждений, задачи которых ограни-

⁸⁵ Там же, л. 50—51.

⁸⁶ Там же, л. 50.

чиваются рамками местного хозяйства. Наконец, в-пятых, вызов отдельных земцев в качестве экспертов зависит целиком от желания министров.⁸⁷

Позиция и аргументация министра финансов М. Х. Рейтерна и военного министра Д. А. Милютина, с точки зрения составителя секретного журнала заседания Комитета министров А. Н. Куломзина, были настолько сходными, что он объединил их. Эти два министра отстаивали прежний порядок разработки законопроектов в небольших комиссиях, особо создаваемых каждый раз для рассмотрения только одного частного вопроса при каком-либо ведомстве, под контролем главы этого ведомства и с вызовом специалистов. Министры военный и финансов подчеркивали прежде всего не политическую, а практическую нецелесообразность рассмотрения в одной или двух земских выборных комиссиях всего множества сельскохозяйственных проблем, поскольку это неизбежно растянет обсуждение и сделает его менее квалифицированным, чем при вызове отдельных экспертов. Относительно политической стороны дела в записи Куломзина отмечено лишь, что оба министра вслед за Валуевым в обсуждении вопросов земскими комиссиями, не ограниченном подготовленными государственным учреждением проектами, усматривали политическую опасность.⁸⁸

Отрицательное отношение Д. А. Милютина к предлагаемому введению в России элементов представительного правления (при том, что сам он в 1879 г. явился автором проекта государственных реформ, предусматривавших введение в состав Государственного совета выборных от земства, а в 1884 г. был одним из наиболее твердых сторонников аналогичного проекта М. Т. Лорис-Меликова⁸⁹) может быть объяснено двумя обстоятельствами: во-первых, личной неприязнью Д. А. Милютина к шефу жандармов, который вел непрерывную борьбу против военного министра,⁹⁰ а, во-вторых, убеждением, что неограниченное самодержавие предпочтительнее олигархического представительства, а именно к такому только и мог клонить шеф жандармов, которого Д. А. Милютин считал «стоящим во главе аристократической партии».⁹¹ И хотя на этом заседании П. А. Шувалов еще не обмолвился о приглашении представителей дворянства наряду с земцами, у Милютина были основания подозревать, что руководитель III отделения имеет при этом и тайные планы. Ключом к объяснению позиции Д. А. Милютина является, по-видимому, его разговор с Е. М. Феоктистовым в начале 60-х годов XIX в. Спрошенный Феоктистовым о его отношении к выражаемым через печать кон-

⁸⁷ Там же, л. 52—53.

⁸⁸ Там же, л. 51—52.

⁸⁹ П. А. Зайончковский. Д. А. Милютин. Биографический очерк. — В кн.: Дневник Д. А. Милютина, т. I, с. 57, 64—65.

⁹⁰ Там же, с. 37—40.

⁹¹ Дневник Д. А. Милютина, т. I, с. 109.

ституционным стремлениям части русского общества, Д. А. Милютин ответил: «Я, конечно, не разделяю этих стремлений не потому, чтобы вообще был противником конституции — кто же из просвещенных людей станет порицать эту форму правления, — а потому, что если будет у нас когда-нибудь конституция, то это должна быть конституция настоящая, т. е. вполне демократическая. По моему убеждению, давать политические права одному сословию и не давать их другим было бы и несправедливо и вредно».⁹²

Поскольку политические воззрения М. Х. Рейтерна до сих пор остаются невыясненными, то объяснение его позиции в обсуждавшемся в Комитете министров вопросе о представительстве чрезвычайно затруднено и остается лишь констатировать ее.

Свидетельство А. Н. Куломзина, являющееся основным источником информации о заседании Комитета министров 27 ноября 1873 г., не вызывает сомнений в свете дальнейшего развития событий и более поздних высказываний (о чем речь пойдет ниже). Косвенным подтверждением точности этого сообщения служит запись в дневнике Д. А. Милютина от 27 ноября 1873 г.: «Горячие прения в Комитете министров по двум делам — сначала — опять по поводу пособия голодающим обывателям Самарской губернии, а потом — по докладу ст. секр. Валуева о результатах выдуманной им комиссии для исследования состояния сельского хозяйства в России. Мне пришлось быть главным оппонентом гр. Шувалова; к удивлению, на этот раз большинство поддержало меня. По обоим делам главным союзником моим был — Рейтерн! — случай редкий».⁹³

Итак, первый пробный камень идеи представительства, брошенный шефом жандармов 27 ноября 1873 г., упал на не слишком благоприятную почву: по крайней мере три члена Комитета министров, в том числе и его председатель, категорически высказались против этой идеи. Председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, возможно даже со слов самого П. А. Шувалова или А. Е. Тимашева, с которыми он об этом разговаривал, считал, несомненно, имея в виду это заседание Комитета министров, что идея шефа жандармов встретила сильное сопротивление и что последний должен будет от нее отступить.⁹⁴ Дневник А. А. Половцова содержит сведения о том, что П. Н. Игнатьев даже обращался к императору с письмом, жалуясь на конституционные замыслы шефа жандармов и прося указаний.⁹⁵

⁹² Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы, с. 327.

⁹³ Дневник Д. А. Милютина, т. I, с. 107.

⁹⁴ Дневник вел. князя Константина Николаевича. Запись 11 февраля 1874 г. — ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 106, л. 19 об.

⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 45.

В бумагах участников обсуждения шуваловского проекта отсутствуют сведения о дальнейших действиях в том же направлении шефа жандармов в декабре 1873—январе 1874 г. По-видимому, это был период некоторой приостановки его деятельности, вызванный необходимостью пересмотреть планы. Кроме того, в это время П. А. Шувалов, как и вся придворная и правительственная верхушка, был очень занят в связи с торжествами бракосочетания дочери императора. Его сильно отвлекали также обсуждение в Государственном совете проекта военной реформы, против которой он усиленно интриговал, проведение в декабре 1873 г. через Совет министров дела о передаче народных училищ под контроль предводителей дворянства (что было составной частью его программы укрепления консервативных сил страны) и проходившие в январе 1874 г. совместные обсуждения предводителями дворянства и правительственными деятелями форм этого контроля. На одном из таких заседаний шеф жандармов прямо намекнул предводителям дворянства, воспринявшим привлечение их к надзору за школой как знак особого «доверия», «на будущую, более значительную роль, к которой должно быть призвано дворянство» (имея в виду привлечение дворянских депутатов к обсуждению аграрных проблем), чем «их всех привел... в восторг».⁹⁶

Следующая, довольно многочисленная группа свидетельств относится к февралю 1874 г. К этому времени обсуждение доклада Валуевской комиссии в Комитете министров подходило к концу, и последние заседания необходимо было использовать для решительной попытки реализовать предложения Шувалова. Шеф жандармов не отказался от мысли об осуществлении политической реформы, хотя теперь уже понимал, что, поскольку создание комиссий выборных представителей с широким составом и довольно обширным кругом задач окажется невозможным, следует заготовить на случай отступления предложение об учреждении более скромной по составу комиссии с ограниченной, частной задачей. В дальнейшем обсуждение идет по пути выяснения максимума и минимума возможных преобразований.

Для уточнения предложений, с которыми можно было бы вновь выступить в Комитете министров, и для объединения вокруг них большинства его членов в феврале 1874 г. Шувалов проводит предварительное секретное совещание своих сторонников, что он часто практиковал. Валуев, из дневника которого это известно, в числе других участников встречи (кроме себя) называет лишь Тимашева и Шувалова. Однако круг лиц, несомненно более широкий, может быть примерно установлен на основании записки Валуева кому-то из высших чиновников Комитета министров от 26 февраля 1874 г., где он перечисляет участников аналогичного

⁹⁶ Б. М. Маркевич — М. Н. Каткову, 14 января 1874 г. РО ГБЛ, ф. 120, папка 27, д. 4, л. 3.

совещания по тому же вопросу. Кроме трех уже упомянутых лиц, там могли присутствовать министры: юстиции граф К. И. Пален, путей сообщения граф А. П. Бобринский, государственный контролер С. А. Грейг, председатель Департамента государственной экономики Государственного совета А. А. Абаза и главноуправляющий II отделением с. е. и. в канцелярии С. Н. Урусов.⁹⁷ Все это — окружение шефа жандармов; его политические противники из либерального лагеря на обсуждении не присутствовали.

Это совещание состоялось 1 февраля 1874 г. Его содержание и ход отражен единственным источником — дневниковой записью П. А. Валуева: «Я забыл отметить, что 1 февраля у нас был Шуваловский „conventicule“ у Тимашева. Речь шла о тех мерещащихся Шувалову комиссиях, которые должны выработать „законопроекты“ по поводу доклада моей прошлогодней комиссии. Шувалов хочет, чтобы в таких комиссиях заседали *все* председатели губернских управ и некоторые губернские предводители. Ему возражали, что это похоже на начало Земского собора. Я настаивал на всех предводителях в случае призыва *всех* председателей, но указывал на разные неудобства этого неопределенного и незрелого предложения. Какие законопроекты? Как их будут выработать 60 или 80 разношерстных членов собрания? Какую роль будет играть коронная власть? и пр. Но я преимущественно заботился о том, чтобы ничего не решать окончательно. Надумаются».⁹⁸

Итак, если строго следовать этому свидетельству, то на этом этапе П. А. Шувалов уже отказался от мысли об особых выборах представителей, которые составили бы законосовещательные комиссии, и решил воспользоваться (видимо, в целях упрощения дела) уже прошедшими процедуру избрания лицами — главами земских и дворянских учреждений. На этом совещании он впервые публично раскрыл свои карты, заговорив о приглашении в качестве членов комиссий предводителей дворянства, т. е. об отдельном представительстве дворянского сословия, хотя из дворян состояли более чем на 40% уездные и почти на 75% губернские земские собрания.⁹⁹ Вызов в комиссии не всех предводителей дворянства, а лишь части скорее всего объясняется не принципиальными мотивами, а личной неприязнью к некоторым из них или убеждением, что они не годятся для выполнения задач членов подобных комиссий.

Приведенная выдержка позволяет судить о личной позиции только автора дневника. П. А. Валуев настаивал на созыве полного состава губернских предводителей дворянства в случае созыва всех председателей губернских земских управ, но, судя по

⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1250, оп. 2, д. 60, л. 26—26 об.

⁹⁸ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 298.

⁹⁹ Б. Веселовский. История земства. Т. 3. СПб., 1911, с. 49,

оговоркам, был за ограничение состава комиссии. Запись дает основания предполагать, что у него были какие-то возражения и по поводу процедуры обсуждения законопроектов и сомнения в части соотношения в комиссии общественного и административного элементов. Однако неизвестно, высказал ли Валуев свое мнение на совещании определенно или выражался там уклончиво, не желая открыто выступать оппонентом шефа жандармов, и доверил свои сокровенные мысли лишь листку дневника. Вообще же явно высокомерный и скептический тон записи говорит, как представляется, не о неодобрении самой идеи представительства, а о недовольстве тем обстоятельством, что обсуждаются «незрелые» и «неопределенные» предложения при наличии разработанного им еще в 1863 г. проекта реформы Государственного совета, где состав представителей общества, их компетенция и отношения с властями были точно определены. Оставление же в стороне проекта Валуева разбивало надежды министра государственных имуществ на то, что заветная и главная мысль его будет реализована, и одновременно отводило ему второстепенную роль помощника Шувалова. По уверению А. Н. Куломзина, для П. А. Валуева комиссии представителей, за которые ратовал шеф жандармов, были лишь одной частью его плана, второй должна была стать реформа Государственного совета. «Он мечтал о том, что последствием комиссии (сельскохозяйственной, — В. Ч.) будет сперва — рассмотрение по существу поставленных ею вопросов в особой комиссии под его же председательством с представителями от провинций, а затем усиленная плодотворная деятельность к уврачеванию раскрытых на всю Россию ран ее внутреннего состояния в расширенном Государственном совете, согласно его записке 1863 г.»¹⁰⁰ Не подлежит также сомнению, что осторожный Валуев, будучи одним из главных деятелей подготовки замышлявшегося центрального представительства, среди своих коллег вел себя сдержанно, дабы при случае обезопасить себя от возможных обвинений в покушении на права самодержца. Его осторожность не в последнюю очередь питалась горьким опытом 1863 г., когда Александр II, как будто бы и разделяя его взгляды о представительстве, сначала разрешил представить проект реформы, а затем отверг его.

На заседании 1 февраля выявились разногласия между членами шуваловской группы не по поводу целесообразности самой идеи представительства, а в вопросе о его рамках. Валуев отмечает, правда в самом общем виде, что участники совещания возражали против предложенной шефом жандармов формы представительства, усматривая в ней «начало Земского собора», но не указывает ни имен оппонентов, ни мотивов их возражений. Поэтому остается неясным, были ли они противниками Земского со-

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 189, л. 5.

бора как такового или просто считали нереальным согласие императора на учреждение чего-либо ему подобного. Валуев не говорит также о том, что сформулированные Шуваловым предложения были кем-либо безоговорочно поддержаны, но это может быть погрешностью записи. И хотя Валуев подчеркивает именно расхождения во взглядах присутствовавших, по-видимому, в целом мысль о привлечении председателей управ и предводителей дворянства (всех или части) для участия в законосовещательной деятельности была поддержана. Во всяком случае именно так это понял шеф жандармов, как показывают его дальнейшие действия.

Вероятно, на этом совещании уже было выдвинуто и предложение о минимальном шаге к представительству — созыве председателей и предводителей для рассмотрения одного лишь конкретного вопроса — уже подготовленного комиссией П. Н. Игнатьева проекта правил о найме сельских рабочих.

Считая, что он заручился поддержкой своих сторонников в правительстве, П. А. Шувалов начинает искать союзников в лагере постоянного политического противника — великого князя Константина Николаевича. Созыв представителей земства и дворянства для участия в обсуждении законопроектов был столь важной частью политической программы шефа жандармов, что он вынужден обратиться к нему, надеясь тем самым повлиять на Д. А. Милютину и М. Х. Рейтерна, близких к великому князю.

«Совета не было, — читаем запись в дневнике Константина Николаевича от 11 февраля 1874 г., — а вместо того от 12 до 1/2 3 толковали с Шуваловым и Тимашевым о собрании здесь представителей земств для рассмотрения вопросов, поднятых сельскохозяйственной комиссией Валуева. Эта идея Шувалова, о которой он говорил с государем еще в Крыму и получил разрешение обсудить ее в Комитете министров. Разумеется, что я ей вполне сочувствую. Но здесь она встретила такую оппозицию, что она в первоначальном виде не пройдет, и придется ее очень усмирить. Останавливаются пока на том, чтоб собрать председателей земских управ и собственно только для вопроса о найме рабочих. Разговор был очень интересен, и Шувалов удовлетворителен».¹⁰¹

Итак, идея Шувалова встретила сочувствие председателя Государственного совета, который, по-видимому, обещал шефу жандармов поддержку ее в Комитете министров. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что в дневнике речь идет лишь о земцах. По сведениям же Валуева (отсутствовавшего на этом совещании по болезни и знавшего о его содержании, скорее всего, со слов Шувалова), шеф жандармов поставил в известность Константина Николаевича о намерении включить в состав комиссий и предводителей дворянства. Это противоречие в источниках может быть объяснено лишь очень предположительно. Должно быть,

¹⁰¹ ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 106, л. 19 об.—20.

шеф жандармов, добиваясь во что бы то ни стало поддержки председателя Государственного совета, либо вовсе умолчал о второй части своего предложения, либо, встретив возражения, выразил готовность снять ее. Во всяком случае все последующее поведение председателя Государственного совета свидетельствует о том, что условие включения в состав комиссий предводителей дворянства явилось для него неожиданностью.

Судя по тому, что на следующий же день великий князь разговаривал о замысле Шувалова с Д. А. Милютиним, итогом встречи шефа жандармов с председателем Государственного совета было и обязательство последнего попытаться обеспечить поддержку идеи созыва представителей земства и со стороны лиц его кружка. «Говорил с Милютиним... про созыв представителей земства, — записано 12 февраля в дневнике великого князя, — но он очень опасается собственно потому, что мысль происходит от Шувалова и что он боится задних мыслей». ¹⁰² Таким образом, оппозиция военного министра, как следует из этого разговора, где он мог позволить себе откровенность, коренилась не в принципиально отрицательном отношении Д. А. Милютина к представительству, а в его недоверии к П. А. Шувалову.

Известные ныне дневники высших государственных деятелей не сохранили следов еще каких-либо частных совещаний по подготовке обсуждения вопроса о представительстве в Комитете министров, поэтому приходится довольствоваться этой схематичной картиной, ограничившись предположением, что вся первая половина февраля 1874 г. была периодом оживленного обсуждения и на частных совещаниях, и в беседах с глазу на глаз в среде глав министерств и ведомств различных аспектов практически возможной формы сословно-общественного представительства.

Заседание Комитета министров, на которое была вынесена вторично проблема созыва комиссий представителей, состоялось 19 февраля 1874 г. По неизвестной причине оно никак не отражено воспоминаниями А. Н. Куломзина, ведшего протокольные записи заседаний и составившего особый журнал Комитета по докладу Комиссии Валуева (возможно, Куломзин на этом заседании не присутствовал). Выяснить ход обсуждения, не имея протокола или какого-либо его подобия, чрезвычайно затруднительно. Отсутствие протокола отчасти восполняется дневниковыми записями участников заседания, но эти записи содержат не столько изложение позиций членов Комитета министров, их возражений, предложений и аргументации, сколько неприятные впечатления перессорившихся между собой участников обсуждения. Записи в дневники о заседании 19 февраля занесли и П. А. Валуев, и Д. А. Милютин, и великий князь Константин Николаевич.

---

¹⁰² Там же, л. 21—21 об.

«Заседание Комитета министров при вел. кн. ген.-адмирале (Константин Николаевич, — В. Ч.), — записано в дневнике Валуева. — Шуваловская идея комиссии из земских и дворянских представителей для разработки „законопроектов“ в виде королляриев моей сельскохозяйственной комиссии. Три часа толков без результата, кроме обнаружения всеобщей разногласицы, несмотря на то, что гр. Шувалов все время говорил „мы“, как будто несколько из нас действительно в чем-либо или на что-либо согласились. Как на предварительном совещании у министра внутренних дел 1-го числа, я указывал на бесповоротное значение призыва *всех* вместо нескольких председателей и предводителей. Кн. Горчаков и министр финансов со мною соглашались. Военный министр по вопросу о пайме рабочих пытался призвать их самих к законодательствованию. Председатель предъявил заранее написанное им „окопчателное мнение“. Вел. князь попробовал эскамотировать дворянских предводителей, хотя на бывшем у него предварительном совещании (к счастью, без меня по нездоровью) гр. Шуваловым и Тимашевым о том придатке к „земцам“ его высочеству было заявлено. Гр. Пален высказался в пользу призыва *всех*, Абаза — тоже, Грейг — против, Толстой, кн. Урусов и Краббе отмолчались, принц Ольденбургский и министр финансов были в пользу призыва „экспертов“. Одним словом, полнейшая пестрота и неясность предположений, мнений, желаний и убеждений. Я ничего не сказал о министре внутренних дел. Он говорил несколько раз, но из того, что он говорил, решительно нельзя было заключить о том, что он думал. Наконец, мы отложили и разъехались».¹⁰³

В дневнике Д. А. Милютина эмоций еще больше, а сведений еще меньше, чем в дневнике П. А. Валуева. «После доклада и обедни в малой церкви Зимнего дворца просидел я в Комитете министров. В заседании этом принял участие великий князь Константин Николаевич по случаю окончательных прений о дальнейшем направлении возбужденного Валуевым дела по исследованию сельского хозяйства в России. Дело это до сих пор кажется мне каким-то бесплодным толчением воды. Вот уже несколько недель, что в каждое заседание Комитета министров уделяется по целому часу и более на слушание чтения П. А. Валуева, который своим гробовым басом излагает бесконечный перечень общеизвестных истин, выведенных им из объемистых работ существовавшей под его председательством комиссии. По каждому из прочитанных Валуевым 70 или 80 пунктов завязывается более или менее продолжительная беседа, попросту говоря — переливание из пустого в порожнее. Канцелярия Комитета умудрилась, однако же, составить из этой болтовни журнал в палец толщиной, заключающий в себе разные неоспоримые истины: так, признается небес-

¹⁰³ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 299—300.

полезным и сберечь леса, и разводить новые, и осушать болота, и обводнять степи, и поощрять коннозаводство ... и проч., и проч. ... Да кто же сомневался когда-нибудь в том, что все это полезно и желательно. Задача — как достигнуть желанных целей? Казалось бы, почему не вести дело обычным порядком — постепенно разрабатывать один вопрос за другим чрез людей, специально изучивших каждое дело. Нет, тут не было бы эффекта ... и вот выступает на сцену гр. Шувалов со своими подружниками,¹⁰⁴ раздувают дело, затевают созвать представителей от всех губерний! Тут встрепенулся председатель Комитета: ведь, пожалуй, затевается конституция! Начинается горячий спор, в котором никто не высказывает прямо своей заветной мысли. Великий князь Константин Николаевич, поверив чистосердечию шуваловских речей в предварительных домашних совещаниях,¹⁰⁵ явился в заседание Комитета, чтобы поддержать идею, по-видимому, столь либеральную. Спорим до 6-го часа, и только тогда, когда все уже истомлены спором, открывается, что мы играли в жмурки. Великий князь вообразил себе, что гр. Шувалов в самом деле задумал по поводу возбужденных Валуевым чисто экономических вопросов обратиться к „представителям земства“; казалось, чего же лучше, как не сочувствовать такой идее? Но вдруг оказывается, что хотят собирать в Петербург не представителей земства, а предводителей дворянства; всплывает вопрос дворянский! Вот и ключ шуваловского либерализма. *Coup de théâtre!* Заседание закрывается; окончание прений отлагается до следующего заседания».¹⁰⁶

И, наконец, дневник великого князя Константина Николаевича, запись 19 февраля: «В $\frac{3}{4}$ 2 в Комитете министров обсуждали предложение о вызове председателей земских управ для рассмотрения хозяйственных (вопросов, — В. Ч.), начав на первый раз с вопроса о найме рабочих. Спорили жестоко до 5 ч., ни к какому результату не пришли. Кто в лес, кто по дрова. Все заседание оставило очень неприятное впечатление. Под конец заговорили о призыве и дворянских предводителей, против чего я решительно воспротестовал. Отложили до будущего вторника».¹⁰⁷

Все эти дневниковые записи позволяют лишь в самых общих чертах судить о ходе этого заседания Комитета министров. Итак, несмотря на предприимчивые шэфом жандармов закулисные переговоры, имевшие целью обеспечить поддержку его предложения большинством членов Комитета, на заседании выявились глубокие разногласия правительственных деятелей.

¹⁰⁴ В первоначальной редакции дневника значит: «со своими подружниками: Тимашевым, Валуевым и другими».

¹⁰⁵ В первоначальной редакции: «После нескольких домашних совещаний с ним и его партией».

¹⁰⁶ Дневник Д. А. Милютина, т. I, с. 140.

¹⁰⁷ ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 106, л. 24 об.—25.

Фраза Д. А. Милютина — «никто не высказывает прямо своей заветной мысли» — заставляет полагать, что эти разногласия коренились не только в разнице политических взглядов или, при их общности, в разных точках зрения на детали, но и в осторожности министров. Опасаясь обнаруживать свои истинные симпатии в деле чрезвычайно щекотливым (обвинение в покушении на власть и права самодержца могло стоить карьеры), каждый участник спора занимал позицию, соответствовавшую не политическим воззрениям, а степени осторожности и оценке реальных возможностей осуществления своих взглядов. Сам Шувалов, будучи сторонником введения в России конституционного режима по английскому образцу, выдвигал предложение, весьма далекое от этого идеала, — всего лишь участие представителей земства и дворянства в комиссиях, рассматривающих законопроекты только по части проблем экономической политики.

По свидетельству великого князя Константина Николаевича, который наиболее определенно высказался по этому поводу, на обсуждение министров проблема была поставлена следующим образом: целесообразно ли привлечение сословно-общественных элементов к обсуждению предлагаемых правительственной комиссией мер для улучшения положения крестьянского и помещичьего хозяйства. Практическим способом проверки целесообразности применения в дальнейшем такого метода разработки экономических законопроектов мог бы послужить опыт деятельности комиссии представителей, которая была бы созвана для обсуждения составленного комиссией П. Н. Игнатьева проекта правил найма рабочих и прислуги, в том числе и сельскохозяйственных рабочих. Дневниковые записи и Константина Николаевича и Д. А. Милютина не оставляют сомнения в том, что первоначально обсуждалось введение в комиссии только председателей губернских земских управ и лишь в конце заседания было высказано предложение о предводителях дворянства.

Позиции присутствовавших приведенные источники рисуют в следующем виде. За создание комиссий, куда вошли бы все председатели губернских земских управ и все губернские предводители дворянства, т. е. за наиболее широкое представительство, выступали шеф жандармов, первоначально настаивавший на вызове лишь части предводителей, но изменивший к этому времени точку зрения, по-видимому, под влиянием аргументов П. А. Валуева, министр юстиции К. И. Пален и председатель Департамента государственной экономии А. А. Абаза. Все три дневника определенно говорят о позиции председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича: он стоял за созыв всех председателей управ, но против какого бы то ни было (полного или выборочного) приглашения предводителей дворянства. Следовательно, к 1874 г. Константин Николаевич уже пересмотрел свои взгляды на необходимость наряду с земским

особого дворянского представительства, как то предусматривал его проект 1866 г., и занял более последовательную позицию отстаивания буржуазного принципа всеословности. Согласно дневнику П. А. Валуева, министр финансов М. Х. Рейтерн и главноуправляющий IV отделением с. е. и. в. канцелярии принц П. Г. Ольденбургский противопоставляли предложению шефа жандармов приглашение «экспертов», т. е. по сути дела старый порядок обсуждения законопроектов, поскольку обращение к специалистам в процессе подготовки законопроекта было явлением довольно распространенным.

Отношение других членов Комитета министров может быть охарактеризовано лишь с некоторой долей вероятности, поскольку в дневниках участников оно либо вообще не упомянуто, либо обозначено очень расплывчато. Так, П. А. Валуев говорит, что председатель Комитета министров П. Н. Игнатъев представил письменный отзыв о предложении шефа жандармов, но при этом ни словом не раскрывает содержание этого отзыва. В делах Комитета министров, содержащих журнал этих заседаний и приложения к журналу, записка Игнатъева отсутствует,¹⁰⁸ нет ее и в личном фонде председателя Комитета.¹⁰⁹ Основываясь на упоминавшихся выше сведениях А. Н. Куломзина об отрицательном отношении Игнатъева к созданию начатков центрального общественного представительства, на беглом замечании Д. А. Милютинина о том, что председатель Комитета «встрепенулся», усматривая в выдвинутых предложениях «конституцию», и на записи Валуева, явно ставящей Игнатъева, запасшегося письменным свидетельством о своей позиции, особняком, остается предположить, что Игнатъев высказался и на этот раз, как и на заседании 27 ноября, против какого бы то ни было участия общественных элементов в обсуждении законопроектов вообще и против передачи на их рассмотрения проекта, выработанного его комиссией, в частности. Появление заранее составленной записки свидетельствует о том, что Игнатъев был заблаговременно уведомлен о вторичном возбуждении в Комитете министров вопроса о представительстве. Такое предупреждение ему как председателю должны были сделать Шувалов или кто-либо из лиц, связавших себя с предполагаемой политической реформой. Однако остается открытым вопрос о том, была ли при этом сделана попытка оказать давление на Игнатъева и смягчить его позицию, велись ли и с ним, как например с великим князем Константином Николаевичем, предварительные переговоры или нет.

Поведение двух других близких шефу жандармов деятелей — министров государственных имуществ Валуева и внутренних дел

¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 3074, ст. 136; д. 3705, приложение к ст. 136.

¹⁰⁹ РО ГПБ, ф. 308.

А. Е. Тимашева — обрисовано дневниками Милютин и Валуева недостаточно отчетливо. Милютин только упоминает их в качестве «подручников» шефа жандармов; стало быть, для него их позиция близко смыкалась с позицией Шувалова. Валуев пишет, что не понял мнения не раз выступавшего на заседании министра внутренних дел. Поэтому остается лишь предположить, что Тимашев, несомненно поддерживавший идею представительства, о чем говорит хотя бы его участие в переговорах шефа жандармов с великим князем, высказывал какие-то соображения по ограничению этого представительства в количественном или правовом отношении, а может быть, в том и другом. Сам Валуев, по его собственным словам, говоривший о «бесповоротном значении» созыва представителей всего земства и всего дворянства, имея в виду невозможность или по меньшей мере крайнюю трудность и опасность отказа от представительства, будь оно даровано, «забыл» отметить, что же предлагал он сам. Записка Валуева несколько более позднего времени проливает свет на смысл его позиции. «Мое возражение, — прямо формулирует он свою точку зрения, — не всех».¹¹⁰ Итак, Валуев стоял за то, чтобы сделать более умеренный, чем того хотел шеф жандармов и поддерживавшие его министр юстиции и председатель Департамента государственной экономии, шаг к центральному представительству. Его разговоры о «бесповоротном значении» создания комиссий из полного состава предводителей и председателей и его точка зрения относительно предпочтительности могут означать лишь, что он стремился к тому, чтобы в вопросе сословно-общественного представительства у императора и его правительства были развязаны руки, чтобы именно они продолжали оставаться полными хозяевами положения, по своему усмотрению прибегая к разовым созывам небольшого числа представителей земства и дворянства.

Из дневника Валуева следует также, что предложение созыва всех председателей и предводителей вызвало возражения министра иностранных дел А. М. Горчакова, министра финансов М. Х. Рейтерна и государственного контролера С. А. Грейга. Из них только о Рейтерне добавлено, что он настаивал на привлечении к обсуждению законопроектов лишь «экспертов», т. е. лиц, не имеющих решающего голоса, причем, видимо, в качестве экспертов имелись в виду именно дворяне и земцы.

Хотя Д. А. Милютин и сделал пространную запись о заседании, занятая им позиция ею прямо не отражается. Ясно видно лишь его настроение. Он явно неодобрительно относится к предложению шефа жандармов, особенно к той части, что касается предводителей дворянства, и недоумевает, почему не разрабатывать законопроекты один за другим в прежнем порядке, «через

¹¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 198, л. 64.

людей, специально изучивших каждое дело», т. е. с помощью тех же «экспертов». Насколько это отношение было открыто выражено Милютиним, остается неизвестным. Что он выступал на заседании, известно из дневника Валуева, но последний отметил лишь, что Милютин «попытался призвать к законодательствованию» самих рабочих в вопросе о правилах найма. Видимо, дело обстояло следующим образом. Когда шеф жандармов или кто-либо из его сторонников стал доказывать необходимость привлечения председателей управ и предводителей дворянства к обсуждению правил найма рабочих, в том числе найма сельскохозяйственных рабочих, по мотивам близкого соприкосновения этих деятелей с указанной проблемой, то на это и могла последовать реплика военного министра, что в таком случае к правилам найма рабочих самое близкое отношение имеют сами рабочие, следовательно, и надо вызвать их для обсуждения проекта правил.

О министре народного просвещения Д. А. Толстом, главноуправляющем II отделением с. е. и. в. канцелярии и управляющем Морским министерством известно только, что они не высказывались.

Итак, и результаты обсуждения нового «ускромненного» предложения о созыве представителей оказались крайне неблагоприятными для шефа жандармов. Мнения министров разошлись настолько, что ни одно из них не могло, казалось, явиться основой для составления резолюции, которая бы собрала большинство. Нужно было либо вовсе отказаться от мысли о проведении политической реформы, либо еще более урезать и «ускромненный» вариант, чтобы он не вызвал возражений со стороны даже самых решительных противников каких-либо перемен в старом образце законодательной машины. На разрешение этой альтернативы у Шувалова оставалась неделя. И он решил попытаться спасти хоть какие-нибудь жалкие остатки одного из пунктов своей политической программы. В конце концов это был и вопрос самолюбия. Неделя между двумя заседаниями Комитета министров, 19 и 26 февраля, была, вероятно, временем интенсивных переговоров, в среде правительственных деятелей, о чем можно лишь догадываться по отрывочным дневниковым записям. Так, в дневнике адъютанта великого князя Константина Николаевича А. А. Киреева в это время¹¹¹ появляется запись: «Еще в Ливадии Шувалов поднял вопрос о том, чтобы для участия в решениях по делу комиссии о народном благосостоянии пригласить

---

¹¹¹ Запись не имеет точной датировки. Надпись на верхнем поле, скорее всего, более поздняя, гласит «январь». Но содержание записи свидетельствует о том, что она сделана после заседания Комитета министров 19 февраля 1874 г., когда уже обнаружилось разногласие между шефом жандармов и великим князем в вопросе о вызове предводителей дворянства, но до 26 февраля, когда было вынесено решение о порядке дальнейшего рассмотрения сельскохозяйственных проблем.

представителей местных интересов. Теперь это дело всплыло опять, и за его решение принялись 2 courants. Шувалов желает пригласить и предводителей дворянства, В[еликий] кн[язь] желает ограничиться одними представителями управ. В. кн. не прав, предводители дворянства большею частью люди близкие к земству и далеко не все реакционеры. Впрочем, едва ли „on est sérieux“. Самарин, которого сейчас видел, полагает, que „c'est une blague“. Краббе (едва ли почтенный человек и едва ли полезный, несмотря на ум и такт) проповедовал мне, что „призвать-то их, пожалуй, можно, но нужно сказать им, что мол (далее следует грубое ругательство, — В. Ч.) вы у меня — чур не зазнаваться ...“ etc. В Комитете министров Шувалов играет роль либерала (впрочем, он бы и не прочь подготавливать аристократическую конституцию). Милютин скорее канцелярски консервативен. Думаю, что гр. Шувалов рассчитывает так. Если призыв будет благонамеренный, то я его буду всячески поддерживать, если же будет неблагонамеренный, то я его оклевету и добьюсь отрицательным путем того, чего не добьюсь положительным». ¹¹²

Дневник Киреева отразил толки вокруг проблемы представительства среди лиц, принадлежавших к «лагерю» великого князя. Эта запись позволяет уточнить мотивы, которыми руководствовался Константин Николаевич, категорически возражая против включения в состав предлагаемых комиссий предводителей дворянства. Оказывается, это объясняется его уверенностью в том, что последние займут реакционные позиции. Проясняется дневником Киреева и истинная позиция Н. К. Краббе. Управляющий Морским министерством, не решившийся высказать своего мнения на заседании Комитета министров, в частном разговоре раскрыл свою точку зрения: созыв представителей общества для участия в законосовещательной деятельности возможен, но при этом «депутатов» следует хорошенько припугнуть, чтобы заставить их оставаться в рамках лояльности. К сожалению, позиция военного министра, с которым Киреев, по-видимому, тоже имел разговор на ту же тему, и этой записью никак не раскрывается и не становится более отчетливой. Что касается последних строк, касающихся расчетов Шувалова относительно земства, то Киреев, считавший шефа жандармов противником земства, подразумевал под «отрицательным путем» репрессивные меры против земства в случае проявления оппозиционных настроений, меры, принятия которых шеф жандармов якобы не добился прямым путем.

События, происходившие в «лагере» шефа жандармов, частично проясняет дневник П. А. Валуева. Из него становится известно, что спасти положение было поручено П. А. Валуеву. К нему обратился вскоре после заседания 19 февраля А. Е. Ти-

¹¹² РО ГБЛ, ф. 126, оп. 1, д. 6, л. 78 об.—79.

машев с просьбой составить для предстоящего заседания Комитета министров такой проект резолюции, который явился бы основой для соглашения членов Комитета.

П. А. Валуев набросал проект резолюции, переслал его министру внутренних дел, и 24 февраля вечером у последнего состоялось совещание, где присутствовали П. А. Валуев, П. А. Шувалов, С. Н. Урусов, А. П. Бобринский, А. А. Абаза, К. И. Пален и С. А. Грейг. Кроме Валуева, никто из присутствующих своих вариантов резолюции не представил, зато предложенный проект был ими одобрен, причем без сколько-нибудь продолжительного обсуждения. О каких-либо изменениях в проекте Валуев не упоминает.¹¹³ И бросая теперь, в самом конце обсуждения вопроса о представительстве, когда возможный итог уже определился, ретроспективный взгляд на всю историю попытки разрешения важнейшей для страны проблемы модернизации ее политической системы, министр государственных имуществ делал общий вывод о движущих пружинах русской внутренней политики: «Замечательна добродушная наивность, с которою некоторые из гг. министров относятся к крупным органическим вопросам. Они готовы верить их сознательному, последовательному движению. На деле выходит, что они могут подвигаться только случайными толчками и почти всегда бессознательно со стороны главных участников движения».¹¹⁴ Валуев, всегда проницательно и свысока относившийся к большинству своих коллег, как бы исключил себя из их круга, между тем сказанное в полной мере относится и к нему, поскольку «случайность» и «бессознательность», как характерные явления правительственной политики, всегда накладывали свое клеймо и на предлагаемые им — и тоже с верой в «сознательное движение» — программы преобразований. История его сельскохозяйственной комиссии, вскрывшей с большой полнотой тормозящие развитие сельского хозяйства страны причины, называвшей пути их устранения и оказавшейся практически совершенно безрезультатной, лучшее тому подтверждение.

Пересылая 26 февраля 1874 г. проект резолюции в Комитет министров, он снабдил его конфиденциальной сопроводительной запиской, где объяснял, что проект написан им по просьбе Тимашева, и перечислял правительственных лиц, присутствовавших на предварительном заседании и одобривших этот проект. При этом Валуев не упустил случая заручиться алиби, изобразив себя почти непричастным к собственному творению. «Моя цель, — писал он, — была двоякая:

1. Выгородить неудобные части высказывавшихся в прошлое заседание предположений.

¹¹³ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 300.

¹¹⁴ Там же, с. 300—301.

2. Отгородить настоящие предположения от тех, которые внесены в мой доклад».¹¹⁵

26 февраля состоялось заседание Комитета министров. Константин Николаевич не принял в нем участия. Предложенный проект резолюции был принят, по словам П. А. Валуева и Д. А. Милютин, единогласно и почти без прений.¹¹⁶ «Конец был миролюбивее, чем можно было ожидать, — записал военный министр в своем дневнике, — гора родила мышь: паши государственные мужи, испугавшие было председателя воображаемыми замыслами на конституцию, формулировали, наконец, письменно свое предложение, и тут только оказалось, что не стоило так горячиться и терять так много времени на бесплодные преширательства».¹¹⁷ Действительно, предложенная членом Комитета резолюция предусматривала столь незначительные нововведения, что они и не могли вызвать возражений, но Милютин не прав, полагая, что именно таким образом выглядели первоначальные намерения инициаторов обсуждения вопроса об общественном представительстве. Эта резолюция была, как уже говорилось, результатом неоднократного и сильного отступления шефа жандармов и поддерживавших его лиц от действительно задуманного ими шага к конституционной монархии.

Если предложение, мнения и ожесточенные споры, имевшие место на заседании 19 февраля, никак не отражены Особым журналом Комитета министров, то содержание заседания 26 февраля подробно зафиксировано. Занимавшийся составлением официальной истории Комитета министров С. М. Середонин, разыскав среди бумаг Комитета материалы обсуждения выводов Комиссии Валуева и правильно усмотрев в них широкую аграрную программу группы правительственных деятелей, понял значение поднятого в связи с этой программой вопроса о представительстве и уделил в своей книге большое внимание истории рассмотрения Комитетом материалов сельскохозяйственной комиссии, а среди приложений поместил журнал Комитета по этому вопросу.¹¹⁸

Констатирующая часть является развернутой мотивировкой принятого Комитетом министров решения, и если бы не упоминание о П. Н. Игнатьеве, снявшем свое мнение, чтобы не «воз-

¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1250, оп. 2, д. 60, л. 26—26 об.

¹¹⁶ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301; Дневник Д. А. Милютин, т. I, с. 142.

¹¹⁷ Дневник Д. А. Милютин, т. I, с. 142.

¹¹⁸ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. I, с. 92—108; т. III, ч. II, с. 131—139, 239—315 (Приложение «Д» — Особый журнал Комитета министров 20 и 27 ноября, 4, 10, 18 и 28 декабря 1873 г., 8, 15 и 22 января, 5, 19 и 26 февраля 1874 г. по докладу высочайше учрежденной его императорским величеством, под председательством министра государственных имуществ, комиссии для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России).

буждать разномыслия», то вообще не было бы никакого повода усомниться в единомыслии «г. г. министров» и подумать об ожесточеннейших спорах, закулисных переговорах и интригах вокруг единогласно принятой резолюции. В констатирующей части говорилось, что члены Комитета, обсудив порядок дальнейшего законодательного движения намеченных к проведению сельскохозяйственных мер, пришли к выводу, что «основательное разрешение» поставленных вопросов требует получения «отзывов» лиц, «находящихся в непосредственном и постоянном соприкосновении с практической стороной дела», и что таковыми являются в первую очередь предводители дворянства и земские деятели. Поэтому они считают желательным включение сословных и земских деятелей «для предварительного обсуждения предположений» в состав комиссий, на рассмотрение которых будут представлены подготовленные проекты, причем первой такой комиссии следует заняться обсуждением проекта правил о найме рабочих и прислуги.¹¹⁹

Что же касается резолюции, так называемого «положения Комитета министров», то вот ее полный текст:

«По соображении всего вышеизложенного Комитет *полагает*:

1) По мере окончательного составления в подлежащих ведомствах законопроектов по тем из вопросов, возбужденных бывшею под председательством статс-секретаря Валуева комиссиею, по коим спрос лиц, знакомых с местными обстоятельствами, признавался бы полезным, образовывать для предварительного обсуждения каждого из сих проектов особую комиссию под председательством лица, высочайшею его императорского величества волею для сего предназначенного.

2) В состав особой комиссии, каждый раз учреждаемой, призывать губернских предводителей дворянства и председателей губернских земских управ.

3) Призывать означенных лиц в том числе и из тех местностей, которые будут для сего указаны по высочайшему его величества благоусмотрению.

4) По вопросам, по которым было бы желательно иметь в виду отзывы членов городских управлений или торговых сословий, призывать в состав комиссий городских голов и лиц торгового звания в числе, по высочайшему его величества благоусмотрению определенном.

5) По заключении занятий таких комиссий предоставить делу дальнейшее движение в общеустановленном порядке,

и 6) На первый раз применить вышеизложенные предположения к рассмотрению вопроса о правилах для найма рабочих и прислуги.¹²⁰

¹¹⁹ С. М. Середонин. Исторический обзор ..., т. III, ч. II, с. 343—345.

¹²⁰ Там же, с. 345.

Принятая Комитетом министров резолюция по существу своему свела проблему представительства к проблеме экспертов из среды сословных и общественных организаций, но экспертов с расширенными правами — правами членов своеобразных низших законосовещательных комиссий. Значение этих комиссий умалялось тем, что они должны были быть не постоянно действующими, а создаваемыми от случая к случаю, причем определение целесообразности создания такой комиссии целиком находилось в руках императора и высшей бюрократии. Таким образом, даже тот сравнительно ограниченный круг проблем внутренней политики, к обсуждению которых предполагалось привлечь сословных и общественных представителей, мог быть в любое время сужен еще более или вовсе сведен к нулю. Император не только санкционировал создание каждой отдельной такой комиссии для обсуждения частного вопроса, но и определял кандидатуру председателя комиссии, а также ее количественный и персональный состав. Вместо выборных от дворянского сословия и земских учреждений, на состав которых правительство могло влиять — при подлинном представительстве — только условиями ценза, никак не определяя его персонально, резолюция предлагала назначаемых императором лиц из глав дворянских, земских и городских организаций в количестве, угодном тому же императору.

Поэтому не вызывает удивления тот факт, что «положение» Комитета министров было утверждено Александром II. Императору не приходилось опасаться за полноту своей власти, поскольку министры верноподданнически оставляли определение всех частностей этой микроскопической доли представительства на его усмотрение. Не пришлось, видимо, Александру II предпринимать и каких-либо шагов для того, чтобы обречь на неудачу этот своеобразный «заговор» нескольких министров против абсолютной власти монарха и провалить идею представительства. За Александра II это было сделано его же министрами, резко расходящимися в своих политических взглядах, руководствующимися карьеристскими соображениями и личными счетами, прибегающими к интригам и наушничанью, чтобы подставить ножку своему коллеге. Обращает на себя внимание тот факт, что журнал Комитета министров был не сразу подписан Александром II. Дата подписания журнала — 9 марта 1874 г., а предыдущим днем — 8 марта датировано письмо П. Н. Игнатьева А. Е. Тимашеву, в котором передавалось повеление Александра II министру внутренних дел, последовавшее при рассмотрении императором журнала Комитета, о том, чтобы Тимашев доложил царю «о положении, в коем находится ныне дело о найме рабочих и прислуги».¹²¹ И если только такая отсрочка в подписании представленного журнала не связана с какой-либо случайностью,

¹²¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 241, д. 195, л. 56—56 об.

то вероятнее всего Александру II потребовалось время на размышление или даже совещание с кем-либо из приближенных к нему лиц, прежде чем он утвердил и столь малую по своему значению политическую меру.

Интересно, что в такой форме решение Комитета министров не только удовлетворило такого противника «конституционализма» (а именно так рассматривалась им всякая форма совещательного представительства), каким являлся наследник престола великий князь Александр Александрович, но даже понравилось ему. Дневник А. А. Половцова содержит следующую запись, помеченную 26 марта 1874 г.: «В 2 часа в Аничковом дворце у цесаревича. Отчет заседания Ист. Общ. Говорим о записке сельскохозяйственной комиссии, рассмотренной в Комитете министров. Одобряет мысль приглашать местных депутатов для обсуждения законопроектов. Как полезны были советы купцов в тарифной комиссии, попрдержали наших *freetrader*-ов. Я: Разумеется, нечего желать палат и парламентов, взятых с чужих образцов, но для законодательства необходимо знание местных нужд, с которыми не м[огут] б[ыть] знакомы петербургские чиновники».¹²²

П. Н. Игнатъев, чрезвычайно обрадованный тем, что вверенное его руководству учреждение не выступило в итоге с какими-либо серьезными конституционными пожеланиями, счел себя должником П. А. Валуева и на следующий после заседания Комитета министров день приехал поблагодарить последнего «за редакцию» резолюции. «Правда, — добавил Валуев, занеся в дневник сообщение о визите председателя Комитета министров, — что в сущности здесь было более, чем одна редакция».¹²³

Несколько позже, занимаясь уже проблемой практического создания комиссии по рассмотрению проекта закона о найме рабочих, П. А. Валуев набросал для себя «записку для памяти», в которой он расшифровывал слишком общо сформулированные положения резолюции Комитета министров. Записка эта ценна тем, что она отражает в известной степени узловые моменты обсуждавшегося плана и содержание споров во время частных совещаний правительственных деятелей и на заседаниях Комитета в феврале 1874 г. и сталкивает пункты резолюции Комитета. В этой записке, помеченной 7 апреля 1874 г., говорилось:

«1. Трудно отрешиться от основной мысли и всего предшествовавшего движения дела.

2. Первоначальная мысль — созыв *всех*. Мое возражение — *не всех*. Результат — *некоторых* по выбору, довольствуясь призывом из местностей *типических*, причем прямо оговариваясь, что например, предводитель будет из одной губернии, председатель из другой и т. д.

¹²² ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 30 об.—31.

¹²³ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301.

3. Призыв *одновременный*, а не по категориям. Иначе не было бы суждений о неудобстве призыва всех и о бесповоротном значении этого призыва.

4. Призываемые поступают в *состав* комиссии. Следовательно, они члены.

5. Правительственные члены по возможности в ограниченном числе. На это неоднократно указывалось. Если бы было иначе, то не было бы повода повторять процесс Комиссии г[енерал]-а[дъютанта] Игнатьева. Там были члены от ведомств, и комиссия *спрашивала посторонних*, т. е. предлагала им вопросы на выбор.

6. Постоянно имелось в виду созывать для проектов *готовых*. Следовательно, не могло быть в виду не сообщать проектов, а из них извлекать вопросы.

7. Значение заключений комиссии должно быть, конечно, совещательным; но для этого значения нужно, чтобы комиссия высказалась, а высказаться она может только в обычном порядке коллегий.

8. Особый председатель назначается *именно* ввиду новости и трудности дела. Если бы не было вышеизложенного, то не было бы ни новости, ни трудности.

9. Выбор призываемых должен быть по возможности ограничен. Порядок совещаний по возможности предоставляется усмотрению председателя.¹²⁴

Итак, в истолковании Валуева, речь должна была идти в дальнейшем о формировании комиссий, состоящих преимущественно из представителей земства и дворянства, но включающих в себя в небольшом числе также и правительственных чиновников. При назначении представителей (как выше говорилось, право назначения принадлежало императору) надлежало учитывать специфику рассматриваемой проблемы, ее территориальные рамки. Каждая из губерний могла быть представлена лишь одним деятелем. Комиссия являлась законосовещательной коллегией, новой промежуточной инстанцией русского законодательного процесса.

Весь тон и этой записки, и дневниковых записей Валуева свидетельствует о том, что он — один из главных деятелей задуманного проведения реформы политического строя — был слишком разочарован итогом. Так, говоря о резолюции Комитета министров о комиссиях представителей, принятой согласно его проектам, он заявляет: «Мне удалось выгородить неудобнейшие части чужих предположений, а свои собственные отгородить».¹²⁵ Говоря о том, что ему удалось защитить собственные предложения, Валуев имел в виду, что будущие комиссии должны строиться отчасти на тех же основаниях, что и задуманный им еще

¹²⁴ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 198, л. 64—65 об.

¹²⁵ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301.

в 1863 г. «Съезд государственных гласных». Общим был принцип назначаемого императором председателя, известное сходство было и в составе членов (и в том и другом случае предусматривалось представительство земских и городских учреждений). Но при этих чертах сходства резолюцией Комитета министров были утверждены лишь осколки его проекта 1863 г.

Но если Валуев был как будто удовлетворен этой резолюцией Комитета министров, то для Шувалова она означала почти полное крушение планов, что нанесло тяжелый удар по его самолюбию. Первоначально он заявлял, что вопрос этот будет вновь рассмотрен, на этот раз в Совете министров,¹²⁶ заседания которого, как известно, проходили под председательством императора. Это был недвусмысленный намек на то, что резолюция Комитета министров расходится с точкой зрения Александра II, взгляды которого в этом вопросе якобы представлял Шувалов, и что царь не преминет поддержать своего шефа жандармов. Трудно сказать, было ли это для Шувалова всего лишь хорошей миной при плохой игре (прикрывающей политическое поражение) или же, основываясь на своем разговоре с императором в Ливадии, он искренне верил в поддержку Александром II идеи представительства и со свойственной ему самонадеянностью рассчитывал на свое влияние. Однако очень скоро подобные разговоры прекращаются. Уже 2 марта П. А. Валуев заносит в дневник: «Гр. Шувалов теперь уже находит излишним обсуждение журнала Комитета министров (по докладу сельскохозяйственной комиссии) в Совете министров. Прежде только о том и была речь. Теперь не слишком хочется возбуждать в присутствии государя вопрос о призыве всех председателей управ и предводителей».¹²⁷

Решение шефа жандармов не ставить вопрос о комиссиях представителей в Совете министров, если только он всерьез намеревался сделать это, может быть объяснено двояко. Либо он, по зрелом размышлении, понял все неудобство вторичного обсуждения только что решенной проблемы при фактически прежнем составе участников, большинство которых только что отвергло предложение о широком дворянском и земском представительстве, либо за эти дни произошли какие-то события, обнаружившие твердость абсолютистских взглядов Александра II и тем самым полную бесперспективность нового обсуждения. Не исключено также, что шеф жандармов, не добившись законодательного утверждения своих предложений, рассчитывал провести их, так сказать, «в рабочем порядке», административным путем: опираясь на решение Комитета министров, при практическом создании комиссии для рассмотрения проекта правил

¹²⁶ П. А. Валуев Дневник, т. II, с. 301; Дневник Д. А. Милютин, т. I, с. 142.

¹²⁷ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301.

о найме рабочих и прислуги максимально расширить состав этой комиссии. Во всяком случае в этом подозревал шефа жандармов министр внутренних дел. 7 апреля 1874 г. правитель канцелярии Министерства внутренних дел Л. С. Маков в связи с обсуждением дела о формировании этой комиссии писал П. А. Валуеву: «Он (А. Е. Тимашев, — В. Ч.) опасается только, что граф Шувалов и граф Пален вновь возбудят вопрос о приглашении одновременно всех предводителей и председателей. Это последнее обстоятельство г. министр считает положительно неудобным».¹²⁸

Возможно, опасения Тимашева и имели под собой реальное основание, однако каких-либо данных о том, что Шувалов пытался предпринять что-либо в этом направлении, пока не разыскано. Такова история еще одной исходящей из правительственных кругов попытки проведения такой политической реформы, которая должна была обеспечить возможность выражения мнений сословий, в первую очередь и преимущественно дворянства, в центральном представительном учреждении, имеющем совещательное значение. В этой связи напрашивается вопрос о причинах отставки Шувалова.

Рассмотрение по инициативе шефа жандармов проекта политической реформы, которая в первоначальном варианте могла расцениваться императором как шаг к ограничению самодержавия, и неожиданная отставка в июле 1874 г., казалось, всеильного временщика хронологически весьма близки. Поэтому уместно задуматься о возможной связи между этими событиями. Увольнение Шувалова из III отделения и назначение послом в Лондон, вызвавшие много толков и недоумений, не были связаны с каким-либо известным событием, которое не оставляло бы сомнений в их причине, как, например, отставка его предшественника князя В. А. Долгорукова, а потому мотивы отстранения шефа жандармов от должности и удаление его подалеже от места, где вершилась внутренняя политика, излагались его современниками лишь предположительно. В числе таких причин называли по догадке интриги многочисленных врагов Шувалова, в первую очередь фаворитки императора княжны Е. М. Долгоруковой, и то обстоятельство, что императору стало претить возросшее влияние Шувалова.¹²⁹ Конституционные замыслы Шувалова как одно из оснований отставки не противоречат этим предположениям, наоборот, вполне укладываются в их рамки. План политической реформы Шувалова вполне мог быть использован его противниками для того, чтобы настроить против него Александра II, а занятая большинством министров позиция несочувствия (правда, зачастую внешнего) этой попытке должна

¹²⁸ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 576, л. 536.

¹²⁹ Дневник Д. А. Милютина, т. I, с. 159; Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами..., с. 312; В. П. Мецкерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 236.

была укрепить мнение царя о том, что решение этого уже не раз всплывавшего вопроса можно оттянуть. Инициатора же столь неприятной императору попытки ограничения его абсолютной власти — в этих условиях — явно следовало изолировать и тем погасить подобного рода настроения. Сделать это было тем проще, что министры Александра II обычно легко отказывались от своих убеждений и предавали своих недавних союзников. И тот же Валуев, когда император заговорил с ним о создании на основании решения Комитета министров комиссии для рассмотрения проекта правил о найме рабочих и прислуги, не замедлил обелить себя перед Александром II, свалив всю «вину» на шефа жандармов. «Утром доклад у государя, — читаем в его дневнике за 18 марта. — Он заговорил о комиссии, но не упомянул о председательстве, потому что я отпарировал, так сказать, равнодушным указанием на то, что инициатива во всем деле принадлежит гр. Шувалову и что с проектом правил о найме рабочих я не вполне ознакомлен».¹³⁰

В подтверждение версии о связи отставки Шувалова с его попыткой проведения политической реформы можно привести два свидетельства. Одно из них принадлежит А. А. Половцову, который, имея в это время сенаторское звание, являлся человеком весьма осведомленным, поскольку был связан с высшими придворными и правительственными кругами. 15 июля 1874 г. в присутствии графа Д. А. Толстого в доме графа И. И. Воронцова-Дашкова обсуждались разные злободневные события, и в том числе отставка П. А. Шувалова и министра путей сообщения графа А. П. Бобринского. Вернувшись домой, Половцов под непосредственным впечатлением происходившего разговора записал: «Увольнение Шувалова с Бобр[инским] не есть перемена двух лиц, это решительный удар партии, которая, в глазах государя, хотела стеснить его власть. Когда в Ком[итете] Мин[истров] рассматривалась записка Валуева, то Шувалов не раз высказывал мысль, что, несомненно, правительству следует перейти от самодержавия к представительным учреждениям и для начала положено рассмотреть с участием местных депутатов все вопросы, возбужденные комиссией, учрежденной Валуевым. Председатель Комитета Игнатъев написал тогда письмо государю, прося наставлений, говоря, что его положение затруднительно, если Шувалов говорит от имени государя, и намекая на то, что у государя хотят украсть что-то вроде конституции. Власть Петра IV уже и так начинала делаться тягостной императору; прибавить надо к этому ненависть Долгоруковой, которую гр. Шувалова не пускала к себе, а гр. Бобринский обделял железнодорожными концессиями, вот в один прекрасный день на докладе и сказано Шувалову: „Правда ли, что лондонское посольство

¹³⁰ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 304.

Вас устроит?» А Бобринскому: „Рейтерн объявил мне, что я должен выбрать между им и тобою, он более десяти лет министром, а ты всего три, а потому я надеюсь, что ты сделаешь это пожертвование“». ¹³¹

Другое свидетельство принадлежит самому Шувалову. Вскоре после своей отставки он заезжал к Валуеву и следующим образом рассказывал о форме, в которой был извещен об отстранении от должности. Император якобы спросил Шувалова: «Вы предпочитаете Лондон?». На это Шувалов ответил утвердительно, на чем разговор и был окончен. ¹³² Никаких вопросов Шувалова и и разъяснений императора не потребовалось. По-видимому, короткий вопрос императора вполне объяснял Шувалову и причину его отставки. В таком случае слова Александра II могли означать только изложение «состава преступления» Шувалова: его симпатии к английскому парламентскому образцу, а ответ шефа жандармов — открытое признание своих взглядов и недавних намерений.

Косвенным свидетельством в пользу этой версии о причине отставки Шувалова, свидетельством, имеющим значение лишь в свете приведенных ранее сведений о том, что шеф жандармов свое предложение о представительных учреждениях выдвигал как одобряемое императором, являются следующие строки из воспоминаний известного железнодорожного деятеля А. И. Дельвига: «По слухам, причиною этого (потери значения Шувалова у императора, — В. Ч.) было то, что Шувалов во многих случаях излагал свои мнения в высших государственных учреждениях, придавая им значение тем, что будто бы они согласны с желанием государя». ¹³³

* * *

Резолюция Комитета министров не осталась мертвой буквой: вскоре была создана предусмотренная ею комиссия по обсуждению проекта правил о найме рабочих и прислуги. Ее председателем Александр II назначил П. А. Валуева. Состав комиссии был определен уже в 1874 г. в соответствии с цитированной запиской П. А. Валуева от 7 апреля 1874 г. Число представителей министерств и ведомств было невелико — по одному чиновнику от министерств Финансов, Государственных имуществ, Юстиции, Путей сообщения, II и III отделений и два чиновника от Министерства внутренних дел. В комиссию вошло 11 губернских предводителей дворянства, 14 председателей губернских земских управ и два городских головы. Губернии были, как правило, представлены лишь одним членом (исключение составляли

¹³¹ ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 44 об.—46.

¹³² П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 312.

¹³³ А. И. Дельви́г. Мои воспоминания. Т. IV. М., 1913, с. 441.

столичные губернии — Московская и Петербургская, от которых вошли и предводители, и председатели, и городские головы). Интересы промышленников должны были выражать шесть заводчиков и фабрикантов.¹³⁴

Заседания комиссии начались 17 января 1875 г. Узнав об этом, П. А. Шувалов (считавший, видимо, комиссию своим детищем, к тому же стоявшим ему карьеры) поспешил написать письмо П. А. Валуеву, который, избежав вследствие своей изворотливости «монаршего гнева», пожинал теперь плоды их совместных усилий. 31 января 1875 г. новый русский посол в Лондоне приветствовал председателя нового «представительного» учреждения: «Дорогой Петр Александрович, газеты и частные письма известили меня об открытии новой комиссии под Вашим председательством. Это вернуло меня в мое недавнее прошлое и живо напомнило все наши беседы прошлой зимой и все подготовительные заседания, в которых мы принимали участие. Я верю в будущее такого рода комиссий и испытываю потребность обратиться к Вам с пожеланием успеха на поприще, где вы только что сделали первый шаг, и сказать Вам, насколько я рад знать, что дело окончательно находится в Ваших руках».¹³⁵

Такое новшество в русском законодательном процессе, каким являлась «Комиссия представителей», участвующая в обсуждении законопроекта, не могло не привлечь внимания русского общества, в значительной своей части стремившегося к участию в делах государственного управления и потому живо интересовавшегося всеми событиями, которые, казалось, могли вести к осуществлению этих стремлений. «В настоящую минуту, — говорилось в передовой статье «Московских ведомостей» от 23 января 1875 г., — едва ли что другое привлекает на себя в равной мере внимание публики, как предстоящая и уже начавшаяся деятельность созданной по высочайшей воле и открытой 17 сего января Комиссии для пересмотра выработанных проектов законоположений о найме рабочих и прислуги. Есть полное основание ожидать успешных результатов от новооткрытой комиссии».

Интерес к этой комиссии был обусловлен приданной ей жалкой частичкой внешнего «парламентаризма», бросавшейся в глаза неизбалованному политическими правами русскому человеку. «Сказанное совещание было организовано на особых началах — в виде какого-то парламента», — так воспринимал отличительную особенность комиссии Валуева один из ее членов.¹³⁶ В. П. Мецкерский сообщает, что эту комиссию Валуева в обществе называли «парламентом».¹³⁷

¹³⁴ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 357, л. 174—174 об.

¹³⁵ Там же, д. 672, л. 96.

¹³⁶ Н. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. II. М., 1905, с. 147.

¹³⁷ В. П. Мецкерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 259.

Однако наряду с голосами тех, кто, подобно новоиспеченному послу в Лондоне и редактору «Московских ведомостей», возлагал надежды на результаты работ этой новой формы законосовещательного собрания, раздавались и скептические ноты в оценках тех, кто мало верил в возможности комиссии Валуева. Так, А. В. Никитенко 17 января 1875 г. записал в дневнике: «Прибыли сюда члены из разных губерний от дворянства, земства и городов для совещаний о законах относительно рабочих и наемников — законов, конечно, чрезвычайно важных для внутреннего порядка государства. Председателем этой комиссии, как известно, Валуев. Что-то она сделает? Наверное можно сказать, ничего. Все пойдет к концу, как угодно творцу. А творец этот — администрация, а во главе ее Валуев. Разве в первый раз у нас является призрак чего-то легального и общенародного с физиономией представительства и выборного принципа? И всегда этот призрак манил к себе легковых и затем улетал в бесконечные воздушные пространства, и все оставалось по-прежнему. Так, без сомнения, будет и теперь. Под влиянием духа времени, может быть, и позволят собравшимся людям высказаться, как они думают, а затем наложат печать хранения на их уста и скажут им не без любезности: „Милые люди! Уходите туда, откуда пришли, а мы вот надумаем и сделаем все, что нам угодно, сами“. Да и что такое наше общество, поклоняющееся подобным призракам? Разве в нем существуют основы какой-либо самостоятельности, какого-нибудь практического осуществления его нужд и стремлений? Иногда выпрыгивают из красноречивых уст слова, указывающие на дело; но эти слова исчезают в воздухе, и произнесшие их сами бывают довольны тем, что их сказали, а потом принимаются за обычное жеванье грубой и неудобоваримой пищи, которую кладут им в рот предания и собственная их пошлая, хилая натура».¹³⁸

Вокруг комиссии Валуева сразу же поднялся большой шум. У одних она подогрела их либеральные иллюзии, другие же намеренно пытались представить ее значение в преувеличенном виде, чтобы запугать Александра II опасностью парламентаризма. Поэтому ее председатель счел нужным приглушить этот общественный резонанс и обратился к издателю «Московских ведомостей» с просьбой о помещении соответствующих разъяснений. «По делу комиссии для составления рабочего законодательства, — писал П. А. Валуев М. Н. Каткову 22 января 1875 г.,¹³⁹ — было бы желательно констатировать, что нет комиссии *status in statu* под

---

¹³⁸ А. В. Никитенко. Дневник в трех томах. Т. 3. 1866—1877. [Л.], 1956, с. 328—329.

¹³⁹ При публикации этого письма допущена ошибка. Письмо датируется 1873 г., тогда как действительное время его написания — 1875 г.

председательством Шувалова,¹⁴⁰ как говорит „Голос“ и город (Петербург). Есть лишь предварительное, неформальное совещание между прибывшими из разных местностей членами в помещении комиссии в доме Министерства государственных имуществ. Эти гг. члены, для удобства совещаний, избрали из своей среды председателствующим графа А. П. Шувалова, это выражение важно ввиду легкости, с которой многие здесь пугаются. Генерал Игнатьев¹⁴¹ предусматривает клятву „*du jeu de raume*“, ¹⁴² формулируемую М. М. Кокоревым и князем Мещерским из Твери в качестве *beauftragte* генерала Потапова.¹⁴³

Члены этой комиссии Валуева обсудили представленный на их рассмотрение законопроект, высказали свои соображения, после чего измененный проект был передан в Государственный совет. «Комиссия представителей» была распущена, однако на этом ее история не закончилась. Когда в январе 1876 г. началось обсуждение законопроекта в Соединенных департаментах Государственного совета, некоторые из ее членов были вызваны в качестве экспертов. Последние присутствовали на заседаниях Соединенных департаментов, правда, только для объяснений по задаваемым вопросам. Такой вызов экспертов тоже был необычным явлением в русской законодательной практике.

«В час пополудни приехал я в Государственный совет, в заседание Соединенных департаментов по делу о найме рабочих. Заседание это имело особый характер: приглашены были в качестве экспертов некоторые из лиц, принимавшие участие в разработке проекта... В числе этих экспертов были: предводители дворянства петербургский — гр. Андр. Павл. Шувалов и московский — гр. Алекс. Вас. Бобринский, известный строитель мостов и заводчик инженер-полковник Струве, московский гласный Наумов и еще несколько других. Показания этих лиц были довольно интересны; почти все говорят складно и толково. Вообще сегодняшнее заседание выходило из ряда обыкновенных сухих заседаний департаментов Государственного совета», — занес в свой дневник Д. А. Милютин в день начала обсуждения.¹⁴⁴ А Валуев прямо считал, что такая форма участия представителей общества в работе Государственного совета является практическим, хотя и

---

¹⁴⁰ Речь идет о члене комиссии — гр. А. П. Шувалове — петербургском губернской предводителе дворянства.

¹⁴¹ По-видимому, председатель Комитета министров генерал-адъютант П. Н. Игнатьев.

¹⁴² Клятва членов Национального собрания Франции, данная ими 20 июня 1789 г. (в здании для игры в мяч — [*Jeu de Raume*] — не раскопаться, пока не будет составлена конституция).

¹⁴³ Русская старина, 1913, июнь, с. 363. Речь идет о члене комиссии известном дельце капиталисте В. А. Кокореве; Мещерский Б. В. — тверской губернский предводитель дворянства; Потапов А. Л. — главноуправляющий III отделением и шеф жандармов.

¹⁴⁴ Дневник Д. А. Милютина. Т. II, М., 1949, с. 19.

искаженным осуществлением официально отвергнутой идеи его проекта реформы Государственного совета. «Между тем, — писал он об участии экспертов в работе Соединенных департаментов, — как бы случайно и незаметно вводится на практике, но в безобразной форме, то самое начало призыва посторонних участников в делах Государственного совета, о котором я возбуждал вопрос в 1863 г.»¹⁴⁵

Деятельность комиссии о найме рабочих и прислуги является одним из примеров тех уловок, с помощью которых самодержавие в течение долгого времени удерживало свои позиции, периодически создавая видимость готовности пойти на политические уступки, даровать обществу — в обмен на его благонадежность — некоторые якобы «конституционные» права.

Комиссия Валуева 1875 г. осталась в 70-е годы единственной такого рода комиссией. Несмотря на то что Комитет министров в 1873—1874 гг. выдвинул целый ряд требующих немедленного разрешения аграрных проблем, в том числе проблему общинного землевладения, к их разработке не приступали. И только в начале 80-х годов, когда в стране резко обострился внутривнутриполитический кризис, правительство вернулось к некоторым из них, поскольку увидело в решении аграрных проблем путь к укреплению своего положения. Тогда-то при обсуждении законопроекта о понижении выкупных платежей вновь вспомнили тот же метод привлечения в состав комиссии представителей дворянства и земства.

Что же касается П. А. Шувалова и его попытки проведения политической реформы, то его прямым продолжателем на этом поприще явился М. Т. Лорис-Меликов, который его повторил во многом. Во-первых, Лорис-Меликов использовал сходный прием для постановки проблемы представительства, организовав сенаторские ревизии, выяснившие, как в свое время сельскохозяйственная комиссия Валуева, круг требующих разрешения экономических задач. Во-вторых, он предлагал привлечение представителей общества к обсуждению примерно того же круга проблем, что и Шувалов. И наконец, в-третьих, речь шла в обоих случаях о законосовещательных комиссиях, которые рассматривали бы подготовленные законопроекты накануне передачи их в Государственный совет. Это сходство, разумеется, не исключает и различий. Проект Лорис-Меликова, например, не предусматривал сословного представительства дворянства в комиссиях, зато предлагал многоступенчатость представительства; однако сравнительный анализ в данном случае вряд ли возможен, поскольку, как говорилось выше, предложения Шувалова письменно оформлены не были и судить о них можно лишь по беглым и немногочисленным дневниковым записям.

---

¹⁴⁵ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 327,